

ЧАСТЬ 1

Раскапывая нижние уровни Корусканта, мы, группа археологов, нашли интересный документ, неизвестно как оказавшийся целым после нашествия пришельцев, расшифровка и восстановление коего продолжается до сих пор. Прочитав некоторые главы, мы поразились, насколько расходятся детали романа, а это, судя по всему, именно роман, с общепринятыми историческими фактами. Мы решили опубликовать эти главы, достоверность событий оставляя на совести неизвестного нам пока автора. Лингвисты до сих пор бьются над расшифровкой аббревиатуры, приведенной в эпилоге. Судите сами!

Реконструируя в памяти события более чем двадцатилетней давности, с удивлением обнаруживаешь, что многое, бывшее забытым и непонятым, внезапно оживает, становится более ярким, а ясные вещи, наоборот, ускользают, превращаются в тени. Память избирательна, эту фразу слышишь с детства, но, тем не менее, каждый раз удивляешься снова и снова. Самыми первыми, как правило, вычеркиваются слова, сохраняется только общая канва разговоров, воспроизвести их точно кажется нереальным, безнадежным, они будут хуже, менее остры, менее блестящи, менее... потом забываются чувства и эмоции, они утекают постепенно, по капле, остаются воспоминания о чувствах. Люди, встречавшиеся ранее и которые что-то значили в прошлом, постепенно выпадают из памяти, и уже не разобрать их лиц, они как выцветшие жёлтые фотографии, изображение постоянно ускользает. Остаются воспоминания о воспоминаниях. Но вдруг что-то случайное: запах или дрожание звука,— переносит в прошлое и невозможно ни вспомнить, ни пережить всё заново.

Rise, Lord Vader

Зерна огненного цвета

Брошу на ладонь

Чтоб предстал он в бездне света

Красный как огонь.

М.Ц.

Глава 1.

Вечернее заседание Совета джедаев.

Энекин молча стоял в центре зала Совета и равнодушно смотрел, как под косыми лучами заходящего солнца, проникающими в зал через траспарастилтовую панель окна, растут тени находящихся в комнате людей и предметов. Смотрел в окно и наблюдал, как солнечный свет причудливо отражается и преломляется от исполинских зданий с бесчисленным числом этажей, раскрашивая их, оживляя, играя с ними. Пока было достаточно светло, и подсветка города не использовалась, а там, где пытались её уже включить, она казалась тусклой и меркла перед естественным освещением. На Корусканте никогда не бывало темно. Столица мира. Планета-город. Чудо строительной мысли. Место, где человек вытеснил природу и создал свой мир. Гимн науки. Он, испытывая с детства любовь к технике, любил этот город, несмотря на то, что здесь никогда не отражались звёзды.

Магистры пропустили закат, так как ругались. Очень эмоционально для джедаев и чересчур эмоционально для Совета Ордена. Энекин за четырнадцать лет привык к их спорам: и если поначалу они его пугали, то потом стали даже развлекать. Теперь же было просто скучно. Росло лёгкое раздражение неэффективным использованием времени. Он знал, к чему придут магистры, знал, что заключит уважаемый Совет, и ему оставалось только стоять в центре и гадать, кто решится объявить ему неприятный вывод. Семьдесят к одному, что это сделает Винду.

Скайуокер задумчиво окинул взглядом магистров: нахмуренный лоб и тревога в глазах у Мейса, легкая задумчивость у Колара, воинственное выражение Йоды, удивление Оби-Вана. По голограммам Ки-Ади-Манди и Пло Куна трудно было разобрать эмоции. Время окончательно

остановилось и замерло, и молодой рыцарь подумал, что тяжелее всего на свете, пожалуй, ждать неизбежного.

За окном стали вспыхивать один за другим островки иллюминации. Энекину нравился этот миг— момент, в котором размывалась граница между днём и ночью. Пограничное состояние. Сумерки.

Сейчас ему скажут, что Совет подчинится решению Канцлера, и примет его в свой состав, но звания магистра не даст. И не из-за того, что он не добился мастерства в учении джедаев, а потому, что он слишком быстро всего достиг, потому, что ему слишком просто всё далось. Что, осознавая себя особенным, он сделался заносчивым. Что, играя на его гордыни, канцлер получил отличного шпиона в их рядах. И, по-видимому, что он недостаточно умён, а вернее— недостаточно хитёр. Хотя кто, как не он, отличился в клонических войнах? Кто, как не он, проявил себя талантливым полководцем во множестве сражений, когда, казалось, удача ускользала, и они вынуждены были отступать? Он вспомнил последнюю операцию по спасению канцлера, спланированную Оби-Ваном. Да-аа. Хуже было только на Геонозисе, когда он попытался выполнить указания Амидалы. Это же надо было додуматься: отдать приказ обстреливать флагман Гривуса, с находящимся там на борту бесценным заложником, и тем временем попытаться вдвоём,— вдвоём!— проникнуть на этот корабль, начинённый дроидами, словно крупинками пыли астероидный пояс. На что Оби-Ван, собственно, надеялся— непонятно. Энекин зарёкся больше не участвовать в непродуманных и самоубийственных миссиях, организованных безрассудными и чрезмерно полагающимися на Силу «великими» стратегами.

Ещё один мало подуманный ход Ордена— попытка поднять престиж джедаев среди населения— это освещение всех событий в прессе. Таким образом, он, Энекин, засветился и засветил Оби-Вана. Оба стали мега-звездами Галактики: герои войны, спасатели, пилоты. Люди хотели быть похожими на них. А вот к остальным джедаям отношение осталось прежним. Пропаганда ничего не дала в этом плане, зато стала здорово мешать. В миссиях, где нужно было незаметно проскользнуть, что-то разведать, их моментально узнавали все и вся, сразу же образовывалась толпа, думающая, что чествование и бурные восторги героям понравятся. А влюблённые поклонницы, которых не пугали бластерные залпы противника! Это воистину было страшно.

В последнее время что-то много стало ошибок и просчётов у Совета. Отсюда эти бесконечные дебаты, вместо здравого обсуждения и выработки разумных и спокойных решений. Как сегодня.

Кажется, в зале стало затихать. Энекин вынырнул из потока собственных мыслей. Ну, наконец-то!

— Энекин Скайуокер,— с излишним пафосом произнёс Мейс Винду, и его голос эхом отозвался от пустых стен,— Совет пришёл к решению подчиниться указанию канцлера Палпатина, равно как и к инструкциям Сената, дающим ему беспрецедентную власть диктовать волю этому Совету. За сим тебе представляется место в Верховном Совете Ордена как персональному представителю канцлера.

«Брр. Вот ведь сказал, так сказал. Плохо, плохо у джедаев с риторикой. А по смыслу произнесенного можно заключить, что они меня вот кем видят— марионеткой»,— подумал Энекин, но ответил, как положено:

— Спасибо, магистры. Ручаюсь, я буду поддерживать высшие принципы Ордена.

«Хм. Оказывается, я тоже могу патетично сотрясать воздух. Высшие принципы. Каково, а?»

Какие сейчас у Ордена были Высшие принципы, даже магистр Йода вряд ли внятно бы смог объяснить. Ситуация, когда всё стремительно менялось, оказалась убийственной для Ордена. Хранители мира— по сути, развязали гражданскую войну и увязли в ней, отвечая на локальные конфликты, вместо того, чтобы нанести точечные удары по главам сепаратистов, по станциям управления армиями дроидов и по заводам, где они изготавливались. А может, лучше было дать им отделиться и воевать экономически? А так Орден оказался не готов к войне, да он просто не умел этого делать. Даже обороняться не очень-то получалось. А тут еще Сенат, который с каждым днём отказывался от своих полномочий и перекладывал их на канцлера. Вот и сегодня утром, сразу после вчерашнего похищения, сенаторы сделали Палпатина главнокомандующим, и Орден джедаев автоматически стал подотчётным ему, чем канцлер и воспользовался, издав постановление о введении в Совет своего представителя.

— Решение это не с легкостью Совету далось,— скрипучий голос Йоды, подрагивающие уши,— Шаг этот Палпатина канцлера Совет беспокоит, да.

«Ещё бы! Так-так, значит, вы осознали, что ваш подопечный канцлер, коим вы думали управлять, после похищения обрёл такую популярность и поддержку, что решил избавиться от вашей опеки, а, вернее, перестать делать вид, что прислушивается к вам. Сегодняшнее голосование в Сенате только узаконивает то, что и так работало до этого»,— это про себя, а вслух:

— Я понимаю.

И сразу же резкое возражение от чуть взвинченного Мейса:

— Не уверен, что понимаешь.

«Ну, конечно, более всего расстроён Винду! Что, магистр, Вам жаль, что карманный канцлер вдруг обхитрил Вас? Как Вам бы хотелось сейчас, чтоб этого похищения не было вовсе, а если бы и было, то что бы спасение закончилось неудачно»,— Энекин замер,— «Стоп! Вот откуда эта непродуманная организация. Значит, нами, мной и Оби-Ваном, пожертвовали. Отлично! Интересно, знает ли об этом Оби-Ван? Судя по его простодушному лицу, вряд ли. Значит, Совет решил избавиться махом и от канцлера, и от своего Избранного. Насчет канцлера, почему— всё понятно. А вот как быть со мной? А может, это паранойя? Откуда они знали, что Оби-Ван потащит в спасательную экспедицию Избранного? Да нет, чтобы я, да не попытался бы спасти Палпатина? Нет, они знали. Но почему? Видимо, мои успехи напугали Орден».

— Ты будешь посещать собрания этого Совета,— продолжал тем самым магистр Винду,— Но ты не будешь магистром.

«Они ждут от меня реакции»,— лихорадочно промелькнуло у него,— «Что ж, я вас не разочарую. Немного пошутим. Хотите инфантильного мальчика увидеть? Пожалуйста»,— и Энекин скорчил обиженную мину:

— Что-оо?— он постарался окрасить голос смертельной обидой.— Как вы смеее? Это не слыхано! Это несправедливо!

А теперь можно полюбоваться истинными лицами мудрейших. Отвращение, негодование, снисходительные улыбки. Один Оби-Ван чего стоит: сидит разнесчастный, хмурится и качает головой. Все явно ждали такого ответа.

— Прошу сесть, юный Скайуокер,— холодно бросил Винду и махнул рукой.

— Простите меня, магистры,— Энекин смиренно пошел к указанному креслу.

Что ж, теперь они решат, что из него можно вить верёвки. Они подумают перехитрить канцлера, переиграв того его же куклой. Про себя Энекин усмехнулся. Ну, это мы еще посмотрим, кто с кем будет играть. Совет с ним, или он с Советом.

Мейс Винду сверлил взглядом юного героя. Что-то ему не нравилось в нынешней ситуации, как будто он чего-то не учёл, как будто кто-то ловко провёл его. И хотя поведение Избранного было предсказуемым, что-то в его улыбке, когда он сел, было не то. Винду стало неудобно. Внезапно он заметил, что они сидят в полутёмном зале, не замечая, что на Корусканте уже наступила ночь. Плавное движение рукой зажгло лампы, но глазам понадобилось несколько секунд, для того, чтобы они смогли привыкнуть к освещению. Когда Мейс ещё раз взглянул на Избранного, лицо последнего застыло и стало непроницаемым даже для сверхподозрительного джедая.

А заседание тем временем продолжалось. Оби-Ван, Йода и Ки-Ади-Манди были крайне озабочены нападением на Кашиик. Было произнесено очень много слов о том, что систему эту отдавать никак нельзя, что нужно кому-то лететь на помощь вуки.

«Вызовусь-ка я сам, пока они не придумали послать туда Избранного. Шестьдесят к одному, что они будут возражать только потому, что это моя идея»,— устало подумал Энекин.

— Я могу заняться этим,— предложил он,— думаю, смогу очистить планету за день— два.

Это было явным преувеличением. Ситуация на Кашиике была неровной. Республика увязла там надолго. Но почему бы и нет? Он же решил играть роль самоуверенного юнца, голова которого пошла кругом от успехов. Такое дерзкое по форме заявление должно, по идее, быть отклонено. Совет прореагировал практически сразу. Все заговорили одновременно, и Энекин почувствовал себя дирижёром:

— Мы сами решим, кого посылать,— это реплика Мейса.

— Магистр опытный там необходим,— молвил Йода.

— Ты нужен здесь,— а это были слова Оби-Вана.

— Нет,— хором возразили голографические Ки-Ади-Манди и Пло Кун.

— Я поеду,— добавил Йода.

— Решено,— очень быстро согласился Винду, и остальные замолчали.

А это уже весьма любопытно. Видимо, они заранее договорились. Зря он волновался, его бы не послали. Значит, им нужно, чтобы он оставался здесь. Значит, они решили переменить тактику, не посылать его в миссии, а поинтриговать, не упустить последнюю ниточку, ведущую к канцлеру. Сто к одному, что дальше они попросят его шпионить за Палпатиным. И так... Но тут Йода объявил заседание оконченным и все стали расходиться.

Энекин был поражен. Он просто перестал понимать, что же предпримет Совет и как будет действовать в дальнейшем. А ведь ещё в начале заседания всё выглядело таким отчетливым, казалось, что он верно рассчитал обстановку. Ан нет. Похоже, он недооценил магистров. Вздохнув, Скайуокер поднялся последним и медленно побрёл к выходу. В коридоре, ведущем на стоянку воздушного транспорта, его нетерпеливо поджидал Оби-Ван. Хочет поговорить? Предостеречь? Призвать к терпению? Отчитать? Чего ж гадать, прямолинейный учитель и так всё сразу выложит.

— Я решил дождаться тебя,— подбирая слова и немного замявшись, начал Оби-Ван. Ему было явно несладко. С одной стороны он понимал, что Совет абсолютно прав, с другой, что Энекин более, чем кто бы то ни было, заслуживал звания магистра. Оби-Ван чувствовал себя неправильным джедаем. Он не мог спокойно и хладнокровно выполнить поручение Совета. Не мог и всё.

Энекин молча шёл рядом и ждал. Огромные овальные траспарастилловые окна были полуоткрыты и позволяли ему наслаждаться ночной прохладой. Полумрак затопил все улицы на многочисленных уровнях, разлился созвездием огней домов, искрами пролетающего транспорта, лазерными вспышками вывесок, лучами систем безопасности. Красота, которую можно созерцать вечно и которая никогда не надоест.

— Они не могли поступить по-другому,— тихо произнёс Оби-Ван, оправдывая магистров,— Дело в том, что ты слишком близок к канцлеру.

«Интересно, а кто, как не Совет, нас сблизил?»

— Дело в том, что, дав тебе звание магистра, они тем самым дали бы голос Палпатину. Я знаю, что это была не твоя идея, но, тем не менее, странно, что канцлер назначил своим представителем тебя, а не бюрократа из собственного аппарата.

«Да, действительно, а я даже не подумал об этом. В таком случае этот шаг Палпатина сулит... Хотя, может, дело в том, что я доказал спасательной операцией, что более лоялен канцлеру, да и к тому же в делах джедаев разбираюсь явно лучше его помощников».

— Это просто его благодарность за спасение,— тихо произнес Энекин.

— Может быть да, а может быть, нечто большее. Во всяком случае, для тебя— это честь, в таком возрасте попасть в Совет Ордена. Такого никогда не было. Твоя дружба с главой Республики оправдала себя.

Это что, учитель, упрёк? Горечь? Неужели зависть?

— Энекин, будь осторожен, прошу тебя,— почти мольба.

«Кого мне опасаться более? Канцлера? Или Совет джедаев? Судя по вчерашним событиям— именно последних и стоит держать в уме».

— Но канцлер хороший человек. Он мне как отец,— а вот это правда. Осторожно, с искренностью нужно притормозить.

— Энекин! Канцлер— человек, который задержался у власти более чем положено. Мы должны быть лояльны Сенату, а не руководителю, который не хочет уходить.

— Но это Сенат оставил его. Всё было вполне легитимно,— как же ему надоели эти политические дискуссии с Оби-Ваном. До смерти надоели. И почему это они должны быть верными Сенату, который их сегодня утром сдал? Неужели Оби-Ван этого не понимает? А другие магистры? Йода и Винду точно во всём разобрались, но скорее всего, свои мысли оставили при себе.

«Значит, вчера мы спасали канцлера, и он был нашей надеждой, а сегодня стал вдруг врагом? Только потому, что Совет стал подчиняться ему лично?»

— Здесь что-то не то. Доверься чувствам,— продолжал гнуть своё Оби-Ван.

Что-то не то. Хм. Ну, надо же. Какая оригинальная мысль.

— Учитель, неужели Вы задержались, что бы поговорить со мной о политике?— не выдержал Энекин.

Оби-Ван запнулся, отвёл глаза.

— Вы хотите мне что-то сказать?

— Энекин, я не хотел тебя ставить в такое положение,— даже интонации изменились. Перед ним уже был не отчитывающий учитель, а безнадёжно потерянный человек.

Энекин остановился и резко отвернулся от Оби-Вана, что бы скрыть блеск глаз, улыбку. Вот оно! Он не ошибся. Кровь в лицо, бешеный стук сердца. Спокойно. Вздох-выдох.

Заглушая голос и собственный пульс, он спросил:

— В какое положение?

— Совет согласился принять тебя в свой состав, только потому, что Палпатин тебе доверяет,— неохотно ответил Оби-Ван.

— И-и?— подтолкнул его Энекин.

— И Совету нужно знать, что он замышляет. Ты должен докладывать обо всех его шагах.

— Они хотят, чтобы я шпионил за канцлером?!— воскликнул Энекин. Вот оно, наконец!

Надо сказать, что этот эмоциональный возглас Оби-Ван несколько не так понял. Энекину было на руку это непонимание, и он продолжил:

— Но ведь это измена!

«А ведь он устал. Очень устал. И, видимо, мало спит. Слишком многое навалилось на него за последние дни. Слишком многого от него хотят»,— сочувственно подумал Кеноби и печально отозвался:

— Идёт война, Энекин.

— Почему мне Совет не дал этого задания во время заседания?— вполне логичный вопрос, который он себе задавал за последние несколько минут раз двадцать.

— Потому, что это не для протокола, ты-то должен это понимать.

— Я понимаю, что то, о чём Вы меня просите, противоречит кодексу джедаев! Вы меня просите предать наставника, друга, Республику!

«Отлично, он убеждён, что я верю в свои слова. Значит, Винду и Йода будут считать, что я, раздосадованный на Совет, побегу жаловаться Палпатину на плохих джедаев. И им теперь можно будет начать сливать мне всю дезинформацию для канцлера».

— Тебя просит Совет,— Оби-Ван удручён и подавлен. Он знал, что нельзя просить Энекина шпионить за канцлером. Он ругался с Советом долго и безрезультатно, доказывая, что Избранному не понравится новое задание, что Палпатин для него больше чем просто политик, больше, чем просто наставник, но магистр Йода был непреклонен. И вот, они получают, что получают: Энекин отдаляется от них. От него. Между ними вдруг выросла стена.

«А он совершенно не в курсе, как его используют!»— наблюдая за учителем, понял Энекин,— «Он чересчур привязан ко мне и это ему мешает, но при всём при том он фанатично верит Совету. Зато я не верю никому, даже себе. И разве мне легче?»

— Энекин, я тебе друг,— это уже отчаяние, попытка вернуть всё назад.

«Друг, который просит предать другого друга. А могут ли джедаи вообще дружить? Что за нелепая мысль, ты же можешь. Но то я: неправильный джедай, вернее вовсе не джедай, а мальчишка, который оказался в эпицентре интриг. Что четырнадцать лет назад, что сейчас. И как тогда мне нужно быть сильным».

Глава 2.

Падме Амидала Наберрие

Падме прошлась по комнате, подошла к окну. Как всегда, каждый вечер, она стояла на одном и том же месте и смотрела на Храм джедаев, надеясь не пропустить его истребитель. Она ждала. Как бы ни было глупо и нелепо, она не могла себя заставить отойти и заняться своими делами. Все её дела утратили свой смысл ещё три года назад. Если б было можно совсем их забросить. Хотя, с другой стороны, что тогда бы у неё осталось? Энекин, которого почти никогда нет, и который в очередной раз будет где-то кого-то спасать, не думая о себе, не заботясь о том, что кто-то волнуется и ждёт его, что кому-то он нужен живым. Эта его вчерашняя безумная посадка горящего корабля чего только стоит! Как она не умерла, когда услышала об экстренном

приземлении. Не дослушав, хлопнулась в обморок, прямо в Сенате. И чуть не раскрыла свою тайну.

Падме улыбнулась и положила руку на живот. Вот что у неё будет, вот ради чего нужно всё бросить.

С другой стороны, она знала, за кого выходит замуж. Она знала, что у них не будет обычной семейной идиллии вдали от мировых проблем, что в силу характера обоих, энергичности, активности, стремления к лидерству, они никогда не смогут жить как простые обыватели. Она знала, что брак придётся сохранять в тайне, ну и что с того. Половина её жизни прошла в конспирации и секретах. Она знала, что её муж— джедай и не принадлежит себе, что его могут послать в какую угодно миссию, что он может погибнуть в каждую секунду. Сама-то она привыкла, что её жизни постоянно что-то угрожает и относилась спокойно к возможности умереть, но оказалось, что можно сходить с ума, волнуясь не за себя, а за другого. Скупые сводки с фронтов, редкие сеансы связи и тысячи тысяч минут страхов, мыслей, надежд и слёз. О! Гордая королева Амидала, надменный сенатор Наберрие, где вы? Осталась только молодая женщина, которая нервничает и волнуется, когда нет никаких новостей, и отчаянно надеется, когда слышит очередной слух о гибели Энекина.

Но как бы ни было тяжело ждать, как бы ни было тяжело скрывать брак и вести себя как пара заговорщиков, как бы ни были коротки встречи, Падме знала, что ей не нужен никто другой, что в те редкие минуты, когда они вместе, она счастлива, как никогда не была раньше, и даже не предполагала, что так бывает. Она не жалела ни капли, что полюбила такого странного и необычного человека, казалось бы, абсолютно не подходящего на роль мужа. Она не жалела, что у них не будет рядовых будней обычной семьи, и хотя иногда, правда, она начинала мечтать об этом, но быстро пресекала фантазии следующими мыслями: «Неужели ты хочешь, чтоб он изменился? Чтобы он начал вести размеренный образ жизни, чтобы его энергия и энтузиазм, его острый ум победила сонная лень? Неужели, если бы ему хотелось остановиться, он не придумал бы, как уйти из Ордена, из политики? Неужели ты, не считаясь с его желаниями, попытаешься его осчастливить?» Она знала, что поддержит его, что бы он ни выбрал, куда бы ни отправился, она будет рядом. Его жена, его друг, его союзница.

Сначала ей было трудно: Энекин чувствовал любое изменение в её настроении и желаниях еще до того момента, когда осознавала она их сама. В силу воспитания и отточенного за время политической деятельности умения скрывать чувства и не идти на открытую конфронтацию, скандалы она не устраивала, но ведь даже невысказанные недомолвки и обиды он понимал сразу, и затаенное недовольство действовало ничуть не хуже открытого конфликта. И с этим нужно было что-то делать.

Политика, всеобщее счастье больше не волновали её. Проблемы из глобальных перешли в личные. Появилось стремление не к общегалактической гармонии, а к внутрисемейной, и это оказалось сложнее осуществить. Падме решила подойти к делу основательно: была изучена статистика по бракоразводным процессам, некоторые уголовные дела, громкие скандалы, а потом настал черёд разнообразных научных работ, содержащих психологические обоснования невозможности непрерывного безоблачного сосуществования супругов. Постепенно она поняла, что все причины, которые могут помешать счастью, коренятся непосредственно в ней самой. Последующие после этого открытия разногласия и недовольства, возникающие даже у них, подвергались тщательному анализу, и однажды она не без удивления обнаружила, что зачастую её раздражали те вещи, которые она считала недостатками и пыталась искоренить у себя. Как только было позволено себе право на ошибку, на несовершенство, появилась долгожданная терпимость. За последний год она узнала себя больше, чем за предыдущие двадцать шесть. Вот так желание в те редкие минуты свиданий не отвлекаться на никому ненужные споры и пытаться, не переступая через себя, отпускать мужа на очередные задания в уравновешенном состоянии, привело к тому, что изменилась она сама, стала более самостоятельной и счастливой. Добрее и человечнее. Мудрее. Да, мудрее. Красивей, нежней, женственней.

Вот только в последнее время после того, как у неё появились кошмары, она стала излишне волноваться и подолгу стоять на балконе или около окна, просто дожидаясь Энекина. Чтобы не злиться на мужа, когда он был на Корусканте и не мог сразу же примчаться домой, она отправлялась гулять по городу. Осматривая архитектуру, размышляла о будущем детей, кем они будут, какими станут. Хотелось бы, чтобы их не коснулась война, и они никогда бы не знали оружия. Хотя, с таким отцом, это вряд ли было возможным. Падме улыбалась и тут же

вспоминала себя с бластером. Да, малыши, и мама у вас такая же. Но так как дети обычно никогда не бывали похожими на своих родителей, был шанс, что хоть один ребёнок будет не воином, и не политиком, а, например, простым архивариусом или конструктором

Вот примерно на этой мысли сегодня утром около здания Сената, где она осматривала ежегодную экспозицию творчества художников Внешних границ, её поймали Бейл Органа и Мон Мотма, недовольные утренним голосованием, в котором Падме участие не принимала, надо сказать.

— Сенатор Наберрие, я Вас не заметил на утреннем заседании, Вы как всегда очаровательны,— галантно начал Бейл.

— Я в фарсе стараюсь не участвовать,— кивнув ему и Мотме, бросила Падме и собралась, было, уходить, но Мотма ей не дала.

— Вы абсолютно правы, сенатор,— сказала она,— это был, действительно, фарс.

Падме заинтересовалась:

— А что случилось?

— Что случилось?— хором отозвались Мотма и Органа, переглянулись, и Мотма продолжила уже одна,— Палпатин стал главнокомандующим, вот что случилось. Фактически у него в руках сейчас сосредоточено всё, что только можно сосредоточить. Несколько шагов отделяют его от пожизненной власти, и нам нужно приложить все усилия, чтоб он их не прошёл.

Падме переводила взгляд с одного собеседника на другого и не знала, что им ответить. Говорить, что ей безразлично, пожалуй, было бы неосторожно.

— А что Орден джедаев? Он поддерживает канцлера?— скорее машинально, что бы только что-нибудь сказать, произнесла Падме, когда пауза затянулась.

— О!— откликнулась Мотма,— это очень интересный вопрос. Орден стал подчиняться канцлеру, как и Армия, это очевидно, но непонятно только, как восприняли эти изменения джедаи. Прореагировал ли Совет, или это было спланировано им совместно с Палпатиным ранее.

— Поэтому мы и решили разыскать Вас, сенатор Амидала,— заговорил Бейл,— Вы близки к джедаям.

— Близка к джедаям,— как эхо повторила Падме.

— С некоторыми из них Вы состоите в дружеских отношениях. Они часто заходят к Вам в гости. Например, магистр Кеноби или наш новый герой Скайуокер.

— Да,— спокойно сказала Падме,— но ведь они спасли Набу, и не один раз меня саму.

— Мы в курсе,— перебила её Мон,— вот поэтому-то мы и просим Вас осторожно и деликатно попытаться разобрать их настроения. И дать понять, если они недовольны, что в Сенате есть оппозиция.

— А вы не думали, что я более близка Палпатиному, нежели джедаям? Что это я своим вотумом привела его к власти, что мы, наконец, с одной системы?

— Да,— виновато проговорил Бейл,— Мы думали об этом, но решили рискнуть. К тому же Вы всегда произносили такие пламенные речи в защиту демократии.

— Как и канцлер, кстати,— усмехнулась Падме.

— Но у Вас-то, в отличие от старого лиса, идеализм всегда был настоящим,— возразила Мон.

«Ты хочешь сказать, что я дура»,— подумала Падме.

Разговор становился интересным.

— Попробуйте узнать у джедаев, собираются ли они что-нибудь предпринимать и вообще, как они относятся к канцлеру,— вкрадчиво предложил Бейл.

— Ну, раз они его спасли, рискуя жизнями, думаю, что неплохо,— ответила Падме.

— Неплохо до сегодняшнего утра,— поправила её Мон.

— Потом, помимо канцлера им нужен был Дуку и Гривус,— добавил Бейл,— А посадка горящего флагмана,— тут он пожал плечами,— это скорее спасение собственных жизней.

Падме вспомнила Энекина, Оби-Вана, Куай-Гона. Перед глазами пронеслись благородные лица рыцарей Храма. Отверженные, смелые, думающие о себе и своём спасении в последнюю очередь. Её стало мутить от Бейла.

— Вам плохо?— участливо спросил Органа.— Как вчера?

— Да, плохо,— рассеянно проговорила Падме,— я, пожалуй, пойду. Легкая простуда.

— Может Вас проводить? Или вызвать кого-нибудь?

— Не беспокойтесь, Бейл. Всё в порядке,— она заставила себя улыбнуться.

— Вы так и не ответили, с нами Вы или нет,— недовольно пробормотала Мон.

— Я подумаю, Мон, обещаю. И сообщу Вам своё решение.

— Я тебе говорил, что не нужно с ней связываться,— глядя в след удаляющейся Амидале, констатировал Органа,— она вполне может быть заодно с Палпатыным. Нужно было выходить на связь напрямую с Орденем. Магистром Винду, например.

— Я не очень-то доверяю джедаям. Они могут быть опасней канцлера. Зря Вы, Органа, думаете перехитрить их. Пока Вы будете считать, что используете их, не заметите, как они начнут использовать Вас. Поэтому-то для связи с ними нужен человек, лишённый амбиций, наивный идеалист. А Амидала именно что такая. Мы рискуем только тем, что этот разговор так или иначе дойдёт до канцлера, но я не думаю, что Палпатын посчитает нашу оппозицию реальной силой, способной противостоять и угрожать ему. Так что ущерба никакого, а польза может быть огромная.

— Мон, а Вы не очень-то оцениваете умственные способности сенатора Наберрие, да?— спросил вдруг Органа.

— А Вы?

— Ну,— уклончиво ответил Бейл,— я списывал некоторые вещи на молодость. Потом, она красивая.

— А это при чём?— не поняла Мон.

Бейл промолчал. Он и сам не понял.

Энекин приехал усталым и задумчивым. Не таким, как всегда. С каждым днём войны он становился всё молчаливее и молчаливее. Но сегодня он был более мрачен, чем обычно, более погружен в себя, как будто искал решения и не мог его найти. Хорошо было то, что, когда он смотрел на неё, слушал её рассказ о выставке и о будущем детей, лицо его светлело, нахмуренный лоб разглаживался, и он ненадолго отвлекался от своих мыслей. Они поужинали и устроились пить, она сок, он что-нибудь покрепче, на небольшом уютном диванчике напротив открытого балкона. Падме хотела узнать, что так тревожит мужа, но решила, что он сам, если захочет— расскажет. Она не говорила ему о своих страхах и волнениях. Зачем? Он и так знал. Довольно долго они молча сидели и смотрели на ночной Корускант. Им было хорошо. Только с близким человеком можно так, не заботясь о поддержании разговора, наслаждаться тишиной, своими размышлениями.

Падме коснулась лба Энекина, провела по вертикальной складке между бровями. Слишком много он хмурится. Слишком много думает.

И опять лицо его разгладилось, и он улыбнулся ей:

— Я думаю за двоих, милая. Что бы твоё лицо оставалось молодым и прекрасным.

— Нельзя всё перекладывать на себя. Не слишком ли ты переоцениваешь свои силы,— как можно мягче сказала Падме.

— Извини, что сюда я принёс часть проблем. Мне хотелось увидеть тебя, мне хотелось домой. Вторую ночь медитировать в храме— было бы слишком жестоко для тебя, для меня, для нас. Я знал, что ты меня ждёшь, знал, чего тебе это стоит.

— Ты долго пробудешь в столице в этот раз?

Энекин рассмеялся, уловив последнюю часть фразы.

— Не уезжаю ли я завтра? О нет. Думаю, я побуду здесь некоторое время. Может быть, даже весьма продолжительное время.

— Правда?— радостно спросила Падме.— И твой ужасный и бесчеловечный Совет не отправит на войну своего рыцаря?

— Как ты сказала, бесчеловечный?— задумчиво переспросил Энекин,— Действительно, Йода— не человек, а Винду— бесчеловечный человек, остальные не в счёт,— он покрутил бокал.— К тому же, если человека лишить всех эмоций, как они учат нас, то останется ли тогда человек? Не будет ли это дроид?

— У Вас что-то случилось? В связи с сегодняшним голосованием?

— Ты же была на выставке, откуда тебе известно о голосовании?— Энекин отвлёкся от своих аналогий и подозрительно посмотрел на жену.

— Ну, во-первых, я всё ещё считаюсь сенатором, и мне присылают протоколы всех заседаний...

— Ага, в последнее время ты их не читаешь, вроде.

— А эти я прочла.

— С чего вдруг такая избирательность?

— Я встретила Мон Мотму и Бейла Органу.

— Понятно. И как они?

— Как и всегда.— Падме фыркнула.— Мон считает меня дурой.

— Да? С чего ты так решила?

— Она мне сделала комплимент насчёт идеализма.

— А ты не идеалистка?

— Из нас двоих идеалист ты! Женщины вообще прагматичнее— возразила Падме.

— Допустим, не хочется спорить. Ей что-нибудь от тебя было нужно?

— Да, они оба решили меня использовать в одном деле.

— И что же ты?

— Думаю. Отказать им прямо или поинтриговать.

— Даже так?— изумлённо приподнятые брови.

— Нужно же мне чем-то заниматься, чтобы не сходить с ума...— Падме осеклась.

— Когда меня нет?— очень нежно.— Я постараюсь, чтобы в дальнейшем мы всегда были вместе.

— И как же ты постараться?

— Что интересного ты вычитала в протоколах Сената?— решил сменить тему Энекин.

Падме пожала плечами, встала и прошлась по комнате:

— Что Совет джедаев с этого числа должен будет подчиняться Палпатину, что он собирается назначать губернаторов в сектора...

— Ты спокойно так говоришь об этом,— позволил себе слегка поиронизировать Энекин.— и тебя, ярую сторонницу демократии, не волнует, что Палпатин становится диктатором?

— Нет,— спокойно ответила Падме, не поддаваясь на провокацию.— Развал Республики необратим. И хорошо, что она попадает в руки умного человека. А простые граждане,— она запнулась и продолжила с некоторой горячностью,— я долго пыталась сделать их более счастливыми, а теперь поняла, что это зависит от них самих.

— От них самих,— рассеянно.— Очень хорошо, что ты так считаешь.

Падме снова пожала плечами.

— Губернаторов в сектора,— заинтересовался Энекин.— Уж не поэтому ли Мон и Бейл всполошились?

— Я обдумала ситуацию и пришла к выводу, что эти назначения будут выгодны всем. И центру, и секторам. Последним значительно легче будет договариваться с одним губернатором, чем с сенаторами, которые не всегда могут...

— Легче давать взятки реальному исполнителю, чем сенаторам, которые не всегда могут лоббировать тот или иной закон...— более прямо высказался Энекин.— Но ты не думаешь, что таким образом Сенат утрачивает смысл вообще. И что быть сенатором отныне просто глупо.

— Ты полагаешь, что они рвутся поуправлять Галактикой?— осторожно полувопросительно, полуконстатирующе произнесла Падме,— Я искала в действиях Мон и Бейла стремление к власти, но решила, что оно безосновательно. У них нет такой поддержки, такого влияния, как у Палпатина. Тогда какой смысл в их действиях? Задаю себе этот вопрос с утра. Может, они пытаются просто добиться привилегий для себя лично, сдав кого-нибудь? Что бы Палпатин вспомнил о них, когда будет назначать своих представителей?

— Не думаю. Сейчас они входят в совет Верных и на равных,— Энекин выделил это слово,— работают с канцлером, но скоро ситуация изменится— как только заработает система с централизованным управлением секторами. Вряд ли Мон и Бейл захотят довольствоваться ролями подчиненных. Тут более тонкая игра, чем просто забота о собственных льготах. Что же они от тебя хотят? Что бы ты втёрлась в доверие к Палпатину?

— Нет,— улыбнулась Падме.— Что бы я втёрлась в доверие к джедаям. К тебе, Оби-Вану.

— Я тебя поздравляю,— он отсалютовал ей полупустым бокалом,— тебе это здорово удалось.

Они оба улыбались.

— Особенно здорово для человека, мысли и намерения которого прозрачны для вас,— добавила Падме.

— Значит, Бейл и Мон хотят знать, поддерживаем ли Палпатина Оби-Ван и я?

— Совет,— поправила его Падме,— поддерживает ли Палпатина Совет.

— А они не думали, что мнение отдельных членов Совета может не совпадать с мнением большинства?— задал вполне резонный вопрос Энекин.

— Отдельных членов Совета?— переспросила Падме и замерла в проёме окна.

— Палпатин сегодня утром,— очень неохотно и едва слышно,— назначил меня своим представителем в Совете джедаев.

— Это же прекрасно, Эни! Ты заслужил право находиться в Совете более чем кто-нибудь другой!

— Я пока не знаю что это,— сдержанно ответил Энекин.— Моя награда за его спасение или желание контролировать Совет, или, возможно, и то, и другое.

— О!— до Падме дошла щекотливость ситуация, в которую попал её муж.— Именно, поэтому Орден тебя никуда не посылает, что бы разобраться с канцлером? Вы против него?

— Джедаи— да, против. Я— за.

Падме лихорадочно обдумывала последнее заявление. Он решил уйти из Ордена? Или уже ушёл?

— Да, я собираюсь уйти,— подтвердил Энекин и заговорил очень горячо,— Я не знаю, что будет дальше, Падме. Я прошу тебя лишь никому не верить и вновь начать соблюдать такую же безопасность, как три года назад. Когда на тебя охотились все наёмные убийцы Галактики. Я поговорю с капитаном охраны, чтобы он ни в коем случае не выполнял твоих безрассудных приказов. Я, к сожалению, не знаю, где ты будешь в большей опасности, здесь со мной на Корусканте или дома на Набу.

— Тогда, Энекин,— взмолилась Падме,— позволь мне остаться здесь, рядом с тобой, под твоей охраной. Обещаю слушаться Тайфо, когда тебя не будет рядом, а если ты куда-нибудь уедешь надолго, я отправлюсь домой, и буду ждать тебя в Озёрном крае.

Энекин промолчал. Падме вновь принялась ходить по комнате. Теперь воцарившаяся тишина угнула обоих.

— Почему я считаю положение настолько серьёзным?— вдруг быстро заговорил он с болью в голосе, явно отвечая на её невысказанные вслух мысли.— Потому что джедаи могут знать о нашем браке и могут уничтожить меня, используя то, что мне более всего дорого. Тебе может угрожать, действительно, более серьёзная опасность, чем все предыдущие вместе взятые. И я прошу тебя, Падме, ради меня, детей, береги себя, что бы со мной не случилось. Пожалуйста, не будь легкомысленной, как обычно. Пообещай мне это.

— Но джедаи не будут действовать такими методами.

— Речь идёт о власти, Падме, о выживании. И средства будут неразборчивы у любых сторон. Остаюсь я союзником Ордена, я бы ждал угрозы со стороны канцлера.

— Ты полагаешь, наш секрет всем известен?

— Не всем, конечно, но многим, думаю, да.

Падме заинтересовалась:

— Почему ты выбрал Палпатина? Ты же воспитывался в Храме. Ты же джедай.

— Потому, что это единственный человек, которого я уважаю, которого воспринимаю как учителя. Не Оби-Вана, который сам учился у меня, а именно Палпатина. Потому, что, встав на его сторону, я получаю перспективу, тебя, семью,— всё, в чём джедаи мне отказывают. Потому, что у меня потенциал явно больше той роли шпиона, которую мне навязывает Совет. И потому, что у джедаев я больше ничему не научусь. И всё это ты прекрасно знаешь.

— А не потому ли, что в противостоянии Совет— Палпатин перевес будет на стороне канцлера?

— Я бы сказал, что перевес как раз пока на стороне джедаев, особенно если они объединятся с оппозицией в Сенате. Поэтому-то я и не знаю, будет ли у нас будущее, Падме, поэтому и заклинаю тебя беречь себя, и вопреки всему жить.

— Думаю, что всё обойдётся,— просто сказала Падме.— И на месте твоих противников я бы оказаться не хотела. Потому как давно заметила, что чью сторону ты выбираешь, та сторона и побеждает. Ты— сама удача. Иногда мне кажется, что у тебя есть ангелы, которые дают необходимые для этого силы.

— Если у меня и есть такой ангел,— медленно и тихо произнес Энекин,— то его зовут Падме.

Глава 3.

Великий Канцлер Кос Палпатин

*Смех признал я священным;
о высшие люди,
научитесь же у меня— смеяться!*
F.W.N.

— Вас ждут,— буднично произнёс секретарь, и Алая гвардия безмолвно расступилась, пропуская в приёмную канцлера джедая.

Палпатин сидел за столом и изучал документы. Как бы мягко и бесшумно ни ступал рыцарь своей скользкой походкой, канцлер, не поднимая головы, сразу же отреагировал на посетителя:

— Энекин, проходи, и дай мне одну минуту.

Энекин был уверен, что секретарь не докладывала о нём, значит, либо канцлеру сообщили, когда перевозивший его транспорт парковался к комплексу, либо... Впрочем, чему удивляться, когда имеешь дело с таким человеком.

Палпатин оторвался от документов и подошёл к Скайуокеру.

— Рад видеть тебя отдохнувшим. И не спрашивай, откуда я всё знаю. Было бы странным, если б я не мог получать и сопоставлять необходимую информацию. Тогда бы я не был бы, пожалуй, главой государства,— и усмехнулся.

— Я и не спрашиваю. И уже, кажется, не удивляюсь.

Они немного помолчали.

— Как тебе назначение в Совет?

— Для меня это было сюрпризом,— отозвался Энекин,— впрочем, как и для всех остальных.

— Если бы ты зашёл ко мне на ужин накануне, то тебе не пришлось изумляться,— попенял, но как-то не всерьёз, Палпатин.

— Я не мог.

— Вот потому, мне и пришлось сегодня организовать твоё похищение, и таким образом продемонстрировать своё желание пообщаться со своим героем,— и канцлер улыбнулся своей ироничной, слегка едкой улыбкой.

Да, нечего сказать, демонстрация впечатляла. Палпатин прислал за ним челнок прямо в апартаменты сенатора Наберрие, вызвав своей Алой гвардией там небольшую панику.

— Думаю, что нам нужно многое обсудить, мой мальчик, даже если ты считаешь себя пока не готовым к откровенному разговору со мной. Время не терпит. Давай пройдем в кабинет.

Кабинет Палпатина неожиданно подействовал на немного встревоженного Энекина успокаивающе.

— Официально, я пригласил тебя, для того, чтобы объяснить твои новые обязанности, потому что ты сам, как мне думается, плохо себе представляешь их,— и так как Энекин не отвечал, канцлер, подождав немного, продолжил.— Итак, помимо протоколов заседания Совета, мне бы очень хотелось видеть отчёты с твоими мыслями, замечаниями, предположениями, и даже интуитивными озарениями, какими бы непоследовательными они ни были.

Энекин сглотнул, ну вот, ему ещё не хватало увязнуть в бумажной волоките, как обычному чиновнику. Отчёты, доклады, рапорты, сообщения,— всё то, что он время от времени имел возможность наблюдать у себя дома.

— Придётся закопаться, мой друг,— внимательно наблюдая за ним, ехидно произнёс канцлер.— Мне также весьма интересны твои мысли по поводу войны: просчёты, слабые места, минусы,— всё, что военные действия выявили, все недостатки с точки зрения военного человека, командующего, пилота. Строгий анализ. И так как бумажной работы тебе хватит года на два, я бы хотел, чтобы ты пока побыл здесь, на Корусканте, а не вызывался бы добровольцем в разнообразные и нескончаемые джедайские миссии.

Последнюю фразу Палпатин сказал с еле сдерживаемой злобой.

«Он, бесспорно, читал протоколы вчерашнего заседания»,— рассудил Энекин и осведомился:

— А неофициально?

Канцлер сердечно улыбнулся. О, эти его улыбки! Застывающие на устах главы государства или напротив, мимолётные, ускользающие, они могли быть какими угодно, но только никак не одинаковыми, каждый раз неповторимые, разные: добрые или угрожающие, ироничные или задумчивые, насмешливые или понимающие. Казалось бы, нет такой эмоции или чувства,

которое Палпатин не мог бы отразить. И хотя в этот раз улыбка была сердечной, Энекин не был уверен, что в ней не содержится подвоха.

— Располагайся,— кивнул ему на кресло Палпатин и сам сел напротив.— Я просто хотел с тобой поговорить. Признаюсь, мне стал интересен человек, который посмел не прийти ко мне на ужин, который, тем не менее, меня спас, который, скорее всего, остался единственным из джедаев ещё лояльным мне и который, как я надеюсь, все еще является моим другом.

Энекин, снова не проронив ни слова, склонил голову.

— Полагаю, ты не будешь отрицать, что Совет более не лоялен мне. Думаю, дело может дойти до попытки переворота. Со дня на день они могут попросить тебя начать шпионить за мной.

И Энекин решил рискнуть:

— Уже.

— Прости?— переспросил Палпатин.— Что уже?

— Уже попросили.

— Вот как...— удовлетворённо произнёс канцлер и во взгляде проявился некоторый блеск.— Когда ты всё понял?

— Когда?— пожал плечами Энекин,— Почти сразу как прошёл шок от Вашего указа, вводящего меня в состав Совета.

«По крайней мере, я понял, что между Советом и Палпатиным будет противостояние, и понял, какую малопривлекательную роль готовит мне та и другая сторона».

— И ты решил сыграть в свою игру?— словно читая его мысли, спросил канцлер, и Энекин вздрогнул.

Оба принялись размышлять. Канцлер с интересом разглядывал своего гостя, словно впервые увидел, и вдруг внезапно резко бросил:

— Мне тогда ещё более непонятен твой порыв— отправиться на помощь вуки.

Энекин вздохнул.

— Расчёт был на то,— объяснил он,— что после этого Вашего указа любое моё предложение Совет отклонил бы.

Палпатин улыбнулся. Не ожидал. Что ж, теперь можно и нормально поговорить.

— Таким образом, ты понял, что к чему, и решил выбрать меня?

— Да, канцлер.

— Значит, ты решил уйти из Ордена,— задумчиво прокомментировал Палпатин и заинтересовался.— А что сенатор Амидала, одобряет ли она твой выбор, или она не посвящена в твои планы?

— Она поддержит любой мой выбор, на какой стороне я не окажусь.

— Вот как?! Сегодня, определённо, удивительный день!— воскликнул Палпатин и добавил про себя: «Мой день!»— Лучший джедай, герой— уходит из Ордена, а молодой и перспективный сенатор, чрезвычайно популярный в своём секторе и иногда затмевающий среди некоторых коллег меня, уходит из политики. Я поражён.

«Мне всё более и более начинает нравиться ваш союз».

Энекин улыбнулся:

— Уверен, что все события были Вами обдуманы и просчитаны заранее.

— Не все. Кое-что я и впрямь планировал, но действительность поразительна, Энекин, она постоянно требует внесения тех или иных корректив. Вот как, например, с тобой. Я хотел надавить на тебя, показав, что знаю твою тайну, которую ты вынужден был скрывать от Ордена, и не учёл, что ты, во-первых, мало похож на обычного джедая, во-вторых, сразу всё осознал и не позволил манипулировать собой, ну и, в-третьих, задумал уйти из Ордена, сведя на нет все попытки шантажа. Так что мой план рухнул. Но результат получился почти тот же. Если не лучше. Умный и сильный союзник— взамен напичканного догмами запуганного джедая, которым можно только управлять, продумывая всё заранее за него, так как на самостоятельную деятельность он будет неспособен.

— Помнится, Вы мне говорили, что настоящий политик извлекает выгоду из всего, даже из собственных провалов и неудач.

— Да, говорил, но я бы не назвал день, когда ты сам решил присоединиться ко мне, моей неудачей или провалом.

— Вы более десяти лет были для меня наставником, учителем, близким человеком, разве мог бы я не поддержать Вас, предать?

Палпатин рассмеялся:

— Я вижу, мои уроки не прошли бесследно, ты хорошо всё усвоил. И хотя в твоих словах есть и доля правды, и мне они греют сердце, но разумом я понимаю, что помимо всего этого, ты выбрал так же и своё будущее, которого у тебя не было бы, останься ты у джедаев.

Оба собеседника внимательно посмотрели друг на друга, разговор обоим доставлял удовольствие.

— А ты не думал, мой мальчик, что я могу и проиграть,— теперь улыбка канцлера была невинна, как утреннее солнце.— Джедаи соперники опасные. Или, что, выиграв, я могу забыть своих соратников?

— Думал и думаю. Постоянно,— признался Энекин, восхищаясь этим человеком.— Но, как вы сами сказали, с джедаями мне оставаться— бесперспективно. Поэтому я решил рискнуть.

— Авантюризм в разумных пределах я приветствую. Без толики риска ничего и нигде не добьёшься. Но это должен быть хорошо просчитанный авантюризм, взвешенный.

— Что Вы собираетесь делать с Орденом?— после некоторой паузы спросил вдруг Энекин.

— Он и сам без меня всё сделал,— пожал плечами Палпатин.— Если Совет не решится на реорганизацию Ордена, то придётся его распустить.

— А что ожидает учеников и падаванов?

— Кажется, у тебя были идеи о необходимости создания школы пилотирования,— небрежно обронил канцлер.

— Как Вам удаётся,— вырвалось у Энекина,— раз за разом так точно угадывать мои мысли?

Канцлер улыбался.

— Ты не хочешь чего-нибудь выпить, мой мальчик? Всё-таки ещё утро, чего-нибудь тонизирующего?

— Я бы составил Вам компанию.

— Отлично,— Палпатин встал и подошёл к бару, плеснул что-то Энекину незнакомое в стаканы,— думаю, тебе это понравится,— он протянул ему напиток, сел. Скайуокер попробовал— вкус, действительно, был приятным. Внезапно ему вспомнилось, что он сегодня не завтракал и уж точно пропустил брифинг. Интересно, сколько времени он находится здесь, кажется, что всего несколько минут, но он понимал, что восприятие времени обманчиво, и вероятней всего уже близится полдень, значит, Палпатин пропустил утреннее заседание Сената, если оно, конечно, не было отменено.

— Да,— подтвердил канцлер,— я его отменил,— и пояснил,— траур по позавчерашним потерям.

— Канцлер,— решил спросить Энекин,— а война тоже спланирована Вами?

— А ты как считаешь?

— Я считаю, что она здорово ослабила Торговую Федерацию, влиянию которой нечего было противопоставить. Что война всё равно бы случилась, может, чуть позже, но более кровавая и Республика бы в ней вряд ли бы имела шансы на победу.

— И ты решил, на основании того, что управляемый конфликт лучше неуправляемого, будто я его контролирую?

— Я подумал, что единственный, кто бы мог пойти на такое, это Вы.

— Даже не знаю, как воспринимать твои слова. Как обвинение или, наоборот, комплимент?

— Я имею в виду, что иногда война, гражданская война, высвобождает ресурсы для нового развития, а то, что Республика была в параличе уже давно, известно всем.

Канцлер полуприкрыл глаза.

— Как бы ты закончил войну, если бы мог? Если бы ты контролировал обе стороны?

— Если бы я хотел, чтобы Республика получила преимущество, то я бы ликвидировал всех лидеров-сепаратистов,— не раздумывая, выпалил Энекин,— и поставил бы их преемникам определённые условия, которые им бы пришлось выполнить.

— Ультиматум под угрозой лишения жизни, а в качестве серьёзности наших намерений— устранение лидеров: Гунрая и прочих,— очень хорошо. Думаешь, сработало бы?

Энекин задумался, потом встал, принялся ходить по комнате и рассуждать:

— Дела Торговой Федерации настолько плохи, что они, как я полагаю, стремятся заключить с нами мир. Это стало понятно по их отчаянному десанту. Похитить Вас и не убить. Я вижу в этом попытку окончить войну на своих условиях.

— Ты забываешь, что если б не твоё высшее мастерство пилотажа, я бы разбился. И вообще, наверное, не стоит говорить о слабости противника только потому, что мы не понимаем его логику.

— Я думаю, что всё было чётко продумано, но только генерал Гривус не предполагал, что его флагман с таким заложником будет подвергнут обстрелу.

— Я тоже не предполагал,— признался канцлер.

— Следовательно, убрать Вас хотели как раз не сепаратисты, а джедаи.

— Интересный вывод, Энекин. Ты, действительно, думаешь, что джедаи хотели избавиться от меня? Что это не была их обычная непродуманность и рассогласованность?

— А Вы так не считаете?— дерзко спросил Энекин.

Палпатин сверкнул глазами.

— Совет явно заблуждается на счёт твоего мышления.

— Они видят только то, что хотят видеть.

Оба замолчали, прокручивая в памяти ещё раз события последних дней.

— В таком случае, если ты прав, если я прав, роспуском дело не ограничится,— нарушил тишину канцлер.— Энекин, не хочешь ли ты съездить в отпуск?

— В отпуск?— удивился Энекин и даже перестал ходить по кабинету.

— Ну да, по-моему, блестящая идея,— оживился Палпатин.— Съездишь на Набу, надоест— вернёшься. У тебя, верно, никогда не было ни отпуска, ни каникул.

— А Вы останетесь здесь? Наедине с враждебно настроенным Советом и десятитысячным Орденом?— скептически поинтересовался Энекин.

— Во-первых, ты меня явно недооцениваешь, я могу справиться один со всем вашим Советом. Во-вторых, твои десять тысяч джедаев явное преувеличение, может быть, если собрать их со всех уголков Галактики, и можно будет набрать столько, в столице же едва найдётся тысяча— полторы, а у меня здесь, между прочим, гвардия, армия и Сенат. А в-третьих, ты мне нужен больше не для разрушения, а для строительства нового государства. Нам предстоит много созидательной работы, Энекин, много преобразований. Целые годы кропотливого труда.

— Ничего этого не будет, если Вы проиграете, канцлер. Я останусь, хотя бы для того, чтобы защищать Вас.

Палпатин усмехнулся.

— Повторяю, что я сам смогу справиться с магистрами. Их не так уж и много в столице. Йода уехал. Думаю, еще кого-нибудь удастся откомандировать с Корусканта. Жаль, что Винду, скорее всего, останется. Но тем не менее.

— Каким образом Вы это сделаете? Добьётесь отъезда ещё одного магистра?

— О!— Палпатин мечтательно улыбался,— От моей приманки они не откажутся.

— Да?— с изрядной долей скепсиса.

— На твой взгляд, генерал Гривус недостаточно привлекателен для джедая или даже группы джедаев?

— А Вам известно его местонахождение?— недоверчиво.

Палпатин насмешливо смотрел на маячившего взад-вперёд Энекина.

— Допустим,— наконец сказал тот,— минус один магистр. Остаётся ещё как минимум четыре. И тысяча простых джедаев.

— Я справлюсь.

— Это не под силу, даже Вам,— с расстановкой и чересчур неторопливо проговорил Энекин,— Лорд Сидиус.

Палпатин поднялся. Они молча стояли и смотрели друг на друга глаза в глаза.

— Это было всего лишь подтвердившееся предположение,— отвечая на немой вопрос, тихо произнёс Энекин.

— Я, кажется, начинаю понимать, почему джедаи боятся тебя.

— Вы же сами предложили откровенно поговорить.

— Ты догадывался, и всё равно решил встать на мою сторону?

— Мне нужно отточить свои способности. Нужен другой опыт, опыт ситхов. Я интуитивно могу пользоваться всей Силой, не только той её частью, которую не страшатся джедаи, но пока не всегда могу контролировать себя. Мне необходим наставник.

— И ты не боишься Тёмной Стороны?— издевательски спросил Палпатин.

— Это страхи джедаев, почему я должен разделять их опасения?

Теперь настала очередь ходить по комнате канцлеру.

— Признаюсь,— после довольно долгой паузы изрёк он,— я давно ждал этого момента. Терпеливо, год за годом, не торопя события. И вот, когда этот день настал— я в замешательстве.

Тем не менее, отметил Энекин, для потрясённого человека Палпатин выглядел очень довольным и энергичным.

«Это, действительно, мой день!»— думал канцлер и удовлетворённо поглядывал на Скайуокера, и— «Для траурного дня я слишком много улыбаюсь».

— Что ж,— решил Палпатин,— давай быстренько проведём твоё посвящение и, наконец-то, перейдём к обсуждению наших дальнейших действий.

— Простите, какое посвящение?

— Ну да, старую добрую традицию ситхов. Ты произнесёшь присягу, а я пожалую тебе титул.

— Титул?

— Моему преемнику положено звание, потом, разве не ты убил графа Дуку? Так что всё вполне заслужено.

— И что мне делать?— усмехнулся Энекин.

— Для начала, стать серьёзным.

— Это будет трудно,— Скайуокер явно развеселился.

В глазах старого ситха тоже прыгали насмешливые огоньки, но выражение лица было более чем строгим.

— Это не шутки, Энекин.

— Что-нибудь ещё?

— Преклони колени,— торжественно произнёс Палпатин.

Глава 4.

Попытка Оби-Вана

Падме читала черновой вариант петиции двух тысяч. СЗПО разносил гостям подогретый пунш, именуемый здесь, на Корусканте, хои. Палпатин таки обрёл небывалый процент поддержки, всего лишь две тысячи голосов против— капля в море, небольшая оппозиционная группа, не более. И что они этим пытаются добиться? Раскрыть свои истинные намерения? Самое удивительное, что среди подписей она не нашла ни Органу, ни Мотму, ни Иблиса.

— Ну и как Вам, сенатор Наберрие?

— И что вы пытаетесь этим добиться?

— Пытаемся показать ему, что Сенат не поддерживает его безоговорочно, что наши системы так или иначе будут держаться вместе, что, несмотря на небольшое число, с нами придётся считаться.

Ей внезапно вспомнились слова Энекина, что вскоре Сенат станет фикцией, милой традицией и не более.

— Не думаю, что прямой демонстрацией можно будет чего-нибудь достигнуть,— произнесла она,— но если Вы так настаиваете, я могу отнести эту бумагу Палпатину.

— Это небольшое отвлечение внимания канцлера от наших истинных планов,— пояснил Органа, словно прочитав её мысли.

«Вот как. Каковы же их истинные планы? Они ведут на самом деле более тонкую игру, как и предполагал Энекин».

— А что с джедаями?— спросила Мон,— Вы не выяснили ничего?

«Осторожно, Падме».

— Насколько я поняла настроение рыцаря Скайуокера,— очень спокойно произнесла она,— он поддерживает канцлера.

— А Кеноби?— быстро спросил Бейл.

— Рыцарь Кеноби скоро улетает, и некоторое время будет вне Корусканта и политических проблем.

— Следовательно, Совет на стороне канцлера?— всё ещё не теряя надежды, попытался уточнить Органа.

— Не думаю, что рыцарям позволено иметь собственное мнение,— ответила Падме, внутренне усмехаясь,— отличное от мнения Совета.

— Итак, с джедаями нам не по пути,— с облегчением констатировала Мон.

— Полагаю, да. У них сейчас и без интриг полно проблем,— проговорил Иблис.

И пока они вносили изменения в текст петиции, Падме вспомнила сегодняшнюю утреннюю встречу с магистром Кеноби. Только отбыл челнок канцлера, и улеглась вызванная этим суматоха, как ей доложили о посетителе. Вообще-то, Оби-Ван заходил к ней только по очень важным делам. Удивлённая, что могло привести к ней джедая в столь ранний час и, испытывая облегчение, что он не застал Энекина, а также и Алую гвардию, Падме прошла в приёмную, где сконфуженный магистр обречёно стоял и смотрел в окно. Был он несколько взволнован и даже, как ей показалось, расстроен.

— Доброе утро, магистр Кеноби, я рада Вас видеть,— всё ещё недоумевая, произнесла она дежурную фразу.— Вы нечасто навещаете своих старых друзей.

Оби-Ван слегка поклонился и, всё ещё смущаясь, проговорил:

— Простите, сенатор Амидала, за столь ранний визит, я Вас, верно, разбудил.

Как же. Канцлер успел раньше.

— Мне нужно поговорить с Вами об Энекине.

— Об Энекине?— удивилась Падме. Неужели и он знает?

Откровенность Оби-Вану давалась трудно.

— Вчера после заседания Совета,— осторожно подбирая слова, попытался рассказать он,— мы не очень хорошо расстались. Мне показалось, что он собрался уйти из Ордена. Дело в том, что на него сейчас все давят, и он находится в тяжёлом положении.

— Почему Вы мне всё это говорите, Оби-Ван?

— Потому, что мы друзья, и потому, что он ради Вас сделает всё что угодно и даже больше.

Падме прошлась по комнате.

— Почему, в таком случае, мне нужно желать того, что будет ему во вред?— спросила она,— Если ему тяжело в Ордене, почему я должна уговаривать его остаться там?

— Потому, что он символ Ордена, его герой. Общественное мнение против нас, но его любят. Уйди он, и...

Падме стало жаль Оби-Вана. Как жаль всякого человека, который отдал чему-то всю свою жизнь и теперь всё потерял.

— Магистр Кеноби, может, Вы позавтракаете со мной?— мягко предложила она.

Оби-Ван слабо улыбнулся:

— Спасибо, Падме. Но мне нужно будет идти. Я просто очень беспокоюсь о нём. Мне кажется, что он в опасности и вот-вот сделает неверный шаг, сорвётся в пропасть и упадёт. И я ничем не смогу помочь ему, так как полагаю, что скоро буду находиться вне Корусканта.

«Как только станет известно местонахождение Гривуса»,— добавил он про себя.

— Но как я Вам смогу помочь?— не понимала Падме.

— Думаю, не полюби Вас Энекин, он бы мог стать истинным джедаем, его бы давно выбрали в Совет, сделали магистром, у него ведь огромный потенциал, который вряд ли теперь будет реализован. Ваши отношения мешают ему.

— Вы хотите, что бы я свела на нет своё общение с ним?— уточнила Падме, всё ещё не веря, что верно разбирает смысл его слов.

Но Кеноби подтвердил:

— Вы меня правильно поняли, сенатор.

Падме закусила губу:

— Я не смогу Вам этого обещать, Оби-Ван. И ничего не сделаю ради этого.

Оби-Ван попытался протестовать:

— Как Вы не понимаете...

— Как не понимаете Вы!— неистово воскликнула Падме.— Я-то считала, джедаев высоко нравственными, духовными существами, но вы вне морали, вы не считаетесь с общественными ценностями, для вас любовь, семья— набор слов, вы дроиды, бесчеловечные дроиды! Уходите, и не просите меня больше об этом. Энекину я не скажу о Вашей попытке спасти его.

— Вы несправедливы к нам, ко мне. Мы больше кого бы то ни было любим жизнь, уважаем все её проявления, относимся с почтением к общественным устоям. Я просто говорю, что давление вкупе с неустойчивым эмоциональным состоянием может окончиться для Энекина трагично. А я слишком люблю его. Он не раз спасал меня и я тоже должен...

Но разгневанная Падме его перебила:

— Вы говорите, что любите жизнь, но мне думается, что Вы боитесь её. Что есть Ваш покой, как не бегство от жизни? Вы говорите, что любите Энекина, а сами просите его жену, беременную, порвать с ним и перестать видеть его раз и навсегда!

Оби-Ван был ошарашен.

— Я не знал, Падме,— растерянно сказал он.

— Да?— остыла она.— Я думала, что Вы джедай и можете сориентироваться, прочесть мысли, ну...— она запнулась.

— Я думал о своём и, пожалуй, был невнимателен к Вам, простите меня, если б я знал, я бы не затеял весь этот разговор. Наверное, мне просто хотелось облегчить совесть.

— Оби-Ван,— Падме протянула ему руку,— Вы меня тоже извините за резкость. В последнее время я немного бываю взвинчена. Если Вы вправду любите Энекина, то Вы должны позволить ему самому выбирать, пускай ошибочно, своё будущее. А Орден, извините, но разве уход одного джедая так ли сильно может повлиять на дела Ордена и общественное мнение?

— Он Избранный,— невесело вымолвил Оби-Ван.

— А кто-нибудь у него поинтересовался, хочет ли он быть вашим Избранным?— спросила Падме.— Он живой человек, а вы, все вы, пытаетесь использовать его,— и отвернулась.

— Простите, Амидала,— Оби-Ван произнёс эти слова с сожалением,— Вы правы, так как Вы судите с точки зрения обычного человека, и я не виню Вас, Вам не понять нас, не разобрать наших убеждений.

Падме молчала, и Оби-Вану не оставалось ничего другого как уйти.

— Я надеюсь, мы останемся друзьями,— в дверях уже произнёс он.

Глава 5.

Выбор Совета

Тёмно-свинцовое небо Корусканта практически не пропускало лучей солнца, как будто сама планета объявила траур, затянув себя чёрными грозowymi облаками, хотя, конечно же, синоптики планировали дождь задолго до вчерашних пожаров. Тусклый еле пробивающийся серый дневной свет разлился туманами на аэротрассах, выполз полутенью на все уровни, окутал дома, зажёл электричество и лазеры. Нырнув в полумглу улиц, два магистра вышли из зала, где только что закончился брифинг, посвящённый военным сводкам, посмотрели наверх, оценили погоду.

«Все мы сейчас находимся во мраке»,— почему-то подумалось Оби-Вану.

«Успеть бы до дождя вернуться в Храм»,— мелькнуло у Мейса Винду вполне обычное желание.

— Как только мы обнаружим Гривуса,— устало продолжил он прерванный разговор,— придётся кому-нибудь уехать с Корусканта, и я бы хотел, чтобы это были Вы, магистр Кеноби. Сейчас опасно расплыться, и поэтому мы можем позволить себе всего лишь отправить кого-нибудь одного. А Вам в прошлый раз почти повезло. И сейчас руки не будут связаны почётным заложником.

— Я предполагал, что Совет мне поручит генерала. Это наша главная цель...— начал отвечать Оби-Ван.

— Нет, магистр Кеноби,— перебил его Мейс Винду,— Гривус— это всего лишь навязанная канцлером второстепенная задача, которой мы вынуждены заниматься.

— Но разве не он командует армиями сепаратистов? Разве его устранение не приблизит окончание войны?

— Она уже практически закончена. Сепаратисты готовы к переговорам. Они продемонстрировали это нам достаточно ясно.

— Вы имеете в виду неудачную попытку похищения?

Мейс помолчал некоторое время, что-то взвешивая.

— Я бы всё отдал,— наконец сказал он,— для того, чтобы эта попытка оказалась удачной.

Оби-Ван был более чем удивлён.

— Простите?

Но Мейс Винду был спокоен.

— Нам придётся выступить против канцлера, Оби-Ван,— пояснил он.

— Выступить?

Начала накрапывать мелкая морось и, магистры плотнее завернулись в плащи, накинули капюшоны, невольно ускорив шаг.

— Долго ли канцлер будет терпеть антагонистичный Совет?

— Недолго,— согласился Кеноби.

— Он распустит Орден. И общественное мнение будет против нас.

— Он не посмеет. Джедаи веками поддерживали Республику.

Мейс замер, и Оби-Вану тоже пришлось остановиться.

— Да?— в голосе обычно холодного Мейса проявилась желчь,— Хотел бы я быть так уверен.

Что же ему может помешать?

Оби-Ван промолчал.

Они веками служили людям. Наделённые особыми способностями, они считали своим высшим долгом поддерживать справедливость в Галактике. Самоотверженно, не заботясь о себе, стоять на страже мира, защищать, воевать и гибнуть за жизнь и благополучие других. Оставаться в тени и не искать славы. Отрекаясь от себя, пытаясь помогать, тысячу лет они поддерживали Республику, подчиняясь Сенату, и вот теперь стали не нужны.

Небо прорезала вспышка молнии, и спустя несколько мгновений раздался глухой раскат грома.

— Нельзя затягивать с бездействием. Только решительные шаги могут нас спасти...— Мейс махнул рукой,— Возможно, мы уже опоздали.

Ударили тяжёлые капли об землю. Ещё. Интенсивней.

— Магистр Йода тоже считает, что нам нужно сместить Палпатина?— слабо спросил Оби-Ван.

Начался самый настоящий ливень, очищающий город от пыли. Заработали водосборники, с шумом поглощая текущие по мостовым ручьи.

— Магистр Йода,— ответил Винду, снимая бесполезный и промокший насквозь капюшон и подставляя лицо падающей с небес воде,— пока предлагает не идти на открытое противостояние, даже если Орден закроют. Но он в меньшинстве.

«В меньшинстве? Но подобного обсуждения не было ни на одном заседании Совета».

— Открытая конфронтация развяжет руки канцлеру. Он тогда сможет объявить нас изменниками, и мы окажемся вне закона,— резонно заметил Оби-Ван.

— Мы не знаем, что может быть хуже,— медленно проговорил Винду.— Отчасти мы сами виноваты, что довели всё до такого состояния, когда любой наш выбор обречён.

На его лице промелькнуло облачко тени.

— В приоритетных задачах я вижу уничтожение ситха,— продолжил он,— по-видимому, контролирующего руководителя Сената, а далее подчинение Палпатина воле Совета и выборы нового канцлера. Либо даже арест канцлера.

Небо, пронизанное молниями, гром, дождь, и никого на улице. Только они, не замечающие разбушевавшейся стихии, показывающей, что, несмотря на все свои технические достижения, слаб человек перед слепой яростью природы, даже если она вызвана им же.

— Вы считаете, что ситх находится в окружении Палпатина?— беспокоило проговорил Оби-Ван.— Но тогда Энекину угрожает...

— Скайуокер сам сможет о себе позаботиться,— сухо перебил его Винду,— к тому же, насколько мне известно, в этом-то и состоит его предназначение: сразиться и сокрушить повелителя ситхов. Разве не так, магистр Кеноби? Разве Вы по-другому трактуете пророчество?

«Вы используете его»,— вспомнилось Оби-Вану, и он излишне горячо произнёс:

— Как мы дошли до такого? Ведь Вы спокойно стоите и рассуждаете о захвате власти. Ведь мы понимаем, должны понимать, что арестом канцлера ничего не добиться,— все суды в руках Палпатина, к тому же он легитимно получил свои полномочия, что он весьма и весьма популярен. Нам придётся взять под контроль Сенат. Это же попытка захвата власти, именно то, в чём мы обвиняем канцлера! Наши методы чрезвычайно напоминают мне методы противника. Тьма окутывает нас, магистр Винду.

— Я прекрасно всё это знаю.

— И, тем не менее, пытаетесь идти дальше?

— Да, мы рискуем, но это единственный наш шанс спасти Орден и не сидеть, сложа руки, наблюдая, как канцлер идёт к безграничной власти. Остался Ваш голос, магистр Кеноби, Совет решил действовать, за исключением воздержавшегося магистра Йоды.

Глава 6.

Последнее заседание Совета Ордена джедаев Старой Республики

Совет на Гривуса купился. Энекин сидел в кресле и развлекался тем, что представлял себе, как изменилось бы выражение лица магистра Мейса Винду, узнай он, кто перед ним находится. И что бы стал делать растерянный магистр Кеноби, затей они с Винду потасовку на мечях прямо в зале заседаний.

На этот раз Совет дискутировал, пытаясь выяснить, как могла разведка канцлера обойти их, да и, вообще, старался разобраться, кому сейчас подчиняются войска. И так как ситуация с полномочиями Ордена была давно запутана и неясна, конца спорам не предвиделось. Чувствовалось, что члены Совета расстроены. Видимо, они пока никак не могли привыкнуть к тому факту, что канцлер являлся главнокомандующим. Слушая прения уже больше часа, Энекин подумал, что с Орденом можно вообще ничего не делать, он сам, если подождать, развалится при таком-то руководстве.

Было понятно заранее, что за генералом отправят Оби-Вана Кеноби. И Скайуокер был даже рад этому. Против Гривуса у того было больше шансов выстоять, чем против него. Да и к тому же, он сам с Оби-Ваном не хотел бы встречаться. Одно дело столкнуться лицом к лицу с Винду или другим магистром, и совсем иное дело— с другом, возможно, уже бывшим другом, с которым он плечом к плечу сражался, прорубаясь сквозь все препятствия, выбираясь, казалось бы, из безвыходных ситуаций, отчаянно защищаясь, и только благодаря взаимовыручке каждый раз оставаясь живым.

Он взглянул на Оби-Вана.

«Прощай, старый друг. Вот наши дороги и расходятся. Я долго жил среди вас и мне не нравится, что вы все ожидаете исполнения пророчества и надеетесь на меня, а я не могу открыто хлопнуть дверью. Вы все. А больше всех надеешься ты».

Он вспомнил, как нелегко ему приходилось являться пресловутой надеждой Ордена. Чужой для всех, что бы он ни делал, его поступки всегда тщательно разбирались, он всегда был под усиленным вниманием не только персонального учителя, но и самого Совета, сам как личность ни у кого никакого интереса не вызывая, только как возможный Избранный. Никто не щадил его деликатностью, не считался с его чувствами и желаниями, страхами и сомнениями, всё это было объявлено вне права на существование. Никогда, ни на одну секунду у него не возникало иллюзии сопричастности, единения. Он всегда был посторонним, отдалённым от других. Было время, когда он пытался сблизиться, измениться, но перестроиться так и не смог, оставаясь внутренне далеким Ордену. С Оби-Ваном, единственным более- менее близким, его связывала только тёплая забота друг о друге, появившаяся после многочисленных миссий, совместного преодоления каждый раз возрастающих опасностей.

«Неужели, если Совет отдаст ему приказ, он, не дрогнув, убьёт меня? Видимо, да. А сам я, разве не поступлю так же, если старый друг встанет у меня на пути?»

Пожалуй, ещё более инородным он был для Совета, органически не принимая их истин, бесконечных обсуждений, от которых он больше, чем кто бы то ни было, устал. Как и от нынешнего. Может, стоит вмешаться в дискуссию, чтобы поспособствовать завершению как всегда бесконечного заседания?

— Предлагаю перейти к планированию операции,— быстро и чётко сказал он,— Канцлер считает, что всё должен возглавить я.

Магистры удивлённо повернулись к нему.

— Это решит Совет, а не канцлер,— парировал предложение зарвавшегося рыцаря Мейс Винду.

— Опасен Гривус,— издали провещал голографический Йода,— Джедай там нужен более опытный.

— Считаю, что магистр Кеноби справится,— отрезал Мейс Винду и внимательно посмотрел на Скайуокера.

— В прошлый раз ему не очень-то повезло,— спокойно ответил Энекин.

Это была правда.

— Энекин,— вмешался Оби-Ван,— я чувствую его, понимаю. Знаю, как он убегает, я справлюсь. На этот раз он не уйдёт.

— У меня дурное предчувствие, учитель,— провожая Кеноби, начал с главного Энекин,— прошу Вас, будьте начеку и оглядывайтесь.

Оби-Ван улыбнулся.

— Прости, Энекин, но то же самое я собирался сказать тебе.

— Что мне может угрожать?— пожал плечами Энекин,— Я же остаюсь здесь, а Вы летите в тыл неприятеля. Впервые и один. И я уже не смогу прийти к вам на помощь, случись что.

— Всё будет в порядке. У меня с собой лучшие батальоны клонов, и потом, я уже справлялся с миссиями и без тебя.

Брови Энекина взметнулись вверх.

— Вы имеете в виду Геонозис?

Оби-Ван рассмеялся, почувствовав, что его отпустило, словно в нём что-то оттаяло после того неприятного разговора с магистром Винду. Перед ним был тот самый трудный Энекин, который никогда не упускал возможности поставить своего учителя на место.

— А я уже и забыл, что ты никогда не дашь мне замечаться и немножко переоценить свои способности,— беспечно произнёс Оби-Ван, но Энекин посерьёзnel.

— Вы меня не так поняли.

— Я просто пытался тебя немного развеселить. Слишком ты мрачный в последнее время. Я буду помнить твоё предостережение, и я вернусь, обещаю.

— Да пребудет с Вами Сила, учитель,— вдруг вырвалось у Энекина.

— Да пребудет Сила с тобой, Энекин,— Оби-Ван ступил на трап корабля и вдруг, обернувшись, крикнул:— Берегись Палпатина!

Энекин рассеяно смотрел на взмывающий ввысь корабль. Эмоции пошли вразнос.

Он понял, что безнадежно устал.

Глава 7.

Без названия*

Полутёмный кабинет канцлера встретил Энекина прохладой. Красная обивка стен придавала сил, наполняла энергией, снимала усталость. Ему здесь было неожиданно уютно, несмотря на рабочую обстановку и простоту. Эргономичный дизайн, никакой роскоши, ничего лишнего: панель информации, голографические аппараты связи, пара кресел, стол. Огромное транспарастиловое окно, лишённое штор и жалюзи, наводило на мысль, что канцлер любил солнце. Впрочем, так как последнее могло заглядывать сюда только по утрам, ему, видимо, больше всего нравились рассветы.

— Очень некстати твоё товарищеское отношение к бывшему учителю,— решил предостеречь его Палпатин, после того, как они обсудили намеченный им план действий,— это ошибка, Энекин, а нам нельзя их допускать.

— Вы просто хотите отомстить за ученика, а я— спасти друга,— спокойно отозвался тот.

— Рискуя спасти врага?

Молчание в ответ как согласие.

— Друга ли?— продолжил канцлер,— Думаешь, у Оби-Вана не поднимется рука на не оправдавшего ожидания ученика, только потому, что тот считает его другом?

— Бывшего друга,— неохотно поправился Энекин и произнёс,— я бы оставил его жизнь на волю случая.

— Я ничего не привык оставлять на волю случая,— холодно отозвался Палпатин,— Это свойственно джедаям: смирение, готовность подчиняться обстоятельствам, собственному предназначению, Великой Силе, как не называй, всё одно.

— Вы не верите в предопределение?— поднял голову Энекин.

— Разумеется, нет. Но это ни в коей мере не означает, что я бы стал игнорировать предвидения и прорицания. Нет, я бы внимательно их изучил и попытался бы что-нибудь противопоставить.

И Энекин заинтересовался:

— А как вы относитесь к пророчеству джедаев об Избранном?

Палпатин пожал плечами и усмехнулся:

— Я не боюсь старых пророчеств, особенно джедайских. Мы, ситхи, не верим в неотвратимость предсказания, не пасуем перед неизбежным, а идём против судьбы, меняем будущее, не без мобилизации всех своих способностей: силы, воли, ума. Мы пробиваемся сквозь всё, что джедаи называют велениями Силы, и подчиняем её себе.

— Я тоже однажды попытался изменить будущее,— внимательно выслушав, признался Энекин,— но слишком поздно решился последовать воле чувств, опоздал и мне не хватило сил,— у него перехватило горло и на секунду он запнулся, но внезапно снова заговорил, сначала сумбурно, потом более последовательно, пытаюсь рассказать то, что так долго старался забыть, не доверяя никому. Слова как будто сами вырывались изнутри, неискажённые моралью и чувством вины, безразличные к порицанию или наоборот похвале. Впервые он ощутил, что его не принимают за кого-то другого и не обманываются на его счёт. И понимают. Так ему ещё никто не внимал. Палпатин слушал молча, отрешённо, не подбадривая и не поддакивая, не задавая вопросов, ничего не уточняя, сосредоточено, глубоко впитывая фразы, как никогда ранее не слушал.

Энекин рассказал о снах, мучивших его два года назад, о том, как он не выдержал, не спрашивая никого и нарушая все мыслимые и немыслимые приказы, отправился спасать, менять свои страшные предсказания. Рассказал об отчаянии, возникшем, когда он осознал, что если бы он не подавлял себя, если поддался бы сразу импульсу, то успел, не опоздал, и ему бы хватило сил. Рассказал о неконтролируемом гневе. О боли. О собственном бессилии.

— И я поклялся сам себе,— потрескавшимися губами, севшим голосом закончил Энекин,— что однажды стану самым сильным.

И хотя Палпатин все ещё безмолвствовал, у Энекина появилось ощущение легкости, полёта, точно всё, что мучило его, ушло, освободило. Довольно долго они сидели, словно вслушиваясь в отзвучавшие слова, внимая многозвучью тишины, всем оттенкам отбушевавших эмоций.

— У тебя есть потенциал для достижения этой цели,— наконец проговорил канцлер.— Воспитатели Ордена,— это было сказано не без презрения,— хорошо потрудились, калеча твой дар, индивидуальность. Борьба с собственной природой, страх, что откроется твое отличие от всех, ещё больший страх перед своей совестью, куда привились некоторые моральные ценности Ордена, отрицание себя— вот что раздробило твою личность, что тебя жгло изнутри, мучило. В результате состояния аффекта— неконтролируемый гнев. Затем раскаяние и внутренняя неудовлетворённость,— и далее снова пошли мягкие интонации.— Но ничего, ты снова обретаешь цельность, самого себя. Считай, что ты долго болел и уже выздоравливаешь. И ты научишься сознательно контролировать Силу гнева, Силу эмоций, вообще, саму Силу.

И Энекин поверил ему. Как никому давно не верил.

**— название главы мы, к сожалению, не расшифровали*

Глава 8

Прелюдия

Канцлер давал аудиенцию делегации от оппозиции двух тысяч, в лице нескольких сенаторов, включая Падме Амидалу Наберрие. Сидя в своём кресле, он изучал петицию и одновременно слушал гостей, рассуждающих о переходе к последней стадии войны и призывающих прийти к мирному соглашению посредством дипломатии.

— Мы продемонстрировали свою военную мощь, нанеся удар в сердце сепаратистов, устранив графа Дуку. Судя по данным нашей разведки, Федерация находится на грани разорения, поэтому мы считаем, что сейчас самое время через посредников потребовать от них безоговорочной капитуляции,— говорила Амидала.

— В своей прошлой речи перед Сенатом Вы указали нам нового врага— генерала Гривуса,— поддержал её Фанг Зар, сенатор с Серн-прим.— Можем ли мы надеяться, что после его уничтожения Вы пойдёте на мирные переговоры?

«Его волнуют лишь полномочия Сената, которые я должен буду в мирное время вернуть. Очень уж не нравится назначение губернаторов».

— Я бы хотел завершить войну,— ответил им канцлер,— но смерть Гривуса мало что нам даст.

— Временная растерянность мятежников, неизбежная после его гибели, предоставит дополнительное преимущество,— возразил Зар,— почему бы нам этим самым преимуществом не воспользоваться?

Палпатин вздохнул.

— Всё дело в том, что мы расходимся с Вами в оценках значения генерала для Сепаратистов,— спокойно произнёс канцлер,— тем не менее, мой аппарат работает над возможным мирным соглашением на наших,— он выделил это слово,— условиях.

Сенаторы некоторое время переваривали его слова.

— Это чрезвычайно похоже на ультиматум,— недовольно буркнул Зар.— А если им не понравятся эти самые наши условия, то мы всё так же будем продолжать войну?

Канцлер развёл руки.

— Боюсь, что да.

— Почему Вы перестали ключевые моменты обсуждать с Сенатом? Как и это мирное соглашение?

— Потому, что в военное время «ключевые моменты» хороши своей внезапностью и, насколько я понимаю, для этого мне и были даны необходимые полномочия.

— Как мы можем быть уверены,— сузив глаза, спросил Зар,— что Ваши помощники не внесут таких условий, которые будут невыполнимы?

Палпатин оторвался от петиции и принялся внимательно смотреть на сенатора, пока последний не отвёл глаза.

— Вам выгодно военное положение,— тихо пробормотал Зар, и после его слов в кабинете повисло молчание. Сенаторы Ние Алавар и Мале-Ади, до этого не принимавшие участие в разговоре, сейчас боялись даже лишний раз вздохнуть.

— Вы только что обвинили меня,— наконец ледяным тоном вымолвил Палпатин,— в сознательном затягивании войны. Что ж, сенаторы, Ваша точка зрения мне ясна.

И снова воцарилась неприятная пауза.

— Будет ли иметь значение наша петиция?— решила спросить Амидала, больше для разрядки обстановки.

— О да!— пообещал канцлер.

— То есть, Вы примете её к сведению?— уточнил Зар.

— Приму,— усмехнулся Палпатин, поднимаясь с кресла, показывая, что аудиенция окончена, но Зар хотел что-то ещё сказать и не успел. В кабинет стремительно вошёл Скайуокер.

— Простите меня,— взглянув на выражение лица Энекина, произнес канцлер, и сенаторам ничего не оставалось другого, как уйти, гадая, что ж могло случиться сверхважного на этот раз.

— Благодарю за избавление меня от этой делегации весьма оригинальным способом,— через пару мгновений, когда комиссия удалилась окончательно, язвительно проговорил канцлер,— И всё-таки в следующий раз предварительно...

— Гривус уничтожен. Джедаи...— он продолжить не успел, так как канцлер уже включил одно из устройств, и они увидели голографического Мейса Винду.

— Канцлер,— обычно хладнокровный магистр был несколько возбуждён.— Мы только что одержали ещё одну победу. Конец войны настал: Гривус— уничтожен!

«Это прошло по всем новостным лентам, канцлер, они выбросили информацию, а только потом связались с Вами!»— мысленно пояснил Энекин.

«Значит,— отозвался Палпатин,— они решили действовать».

— Мы собираем заседания Совета Ордена,— продолжал Мейс Винду,— и нам бы очень хотелось видеть на нём Вас, канцлер. Накопились вопросы, требующие непосредственно,— Винду сделал ударение на этом слове,— Вашего участия.

Энекин быстро взглянул на канцлера. Это же явная ловушка. Но канцлер уже отвечал.

— Думаю, мне удастся освободиться в районе восьми— девяти,— сказал канцлер, и сердце у Энекина было упало, но Палпатин продолжил:— Буду рад видеть уважаемых магистров у себя в девять вечера.

Ни один мускул на лице магистра Винду не вздрогнул.

— Отлично, мы будем в девять,— спокойно произнёс он и отключил связь.

Энекин и Палпатин переглянулись.

— Вот и пришло время,— изрёк канцлер.

Глава 1.

Под покровом ночи.

Из гиперпространства прибывали и прибывали корабли, стараясь успеть до комендантского часа, который был временно введён после дерзкого десанта врага. Сегодня начало рано темнеть, и жители столицы выходили на балконы и смотровые площадки, поднимали головы вверх и глядели на захватывающую дух картину, на то, как антрацитовое небо Корусканта прочерчивалось падающими звёздами, словно шёл огненный дождь, особенно интенсивно — почему-то над Храмом Джедаев. Это возвращались те, кто смогли откликнуться на сигнал Совета, призывающий вернуться домой. Те, кто смогли отложить или завершить свои задания.

Комендантский час, запрещающий после десяти вечера гражданам оказываться на улице, пользоваться транспортом, прибывать на планету, в квартале около комплекса зданий, относящегося к Сенату, действовал круглосуточно. Патрулей тут было больше всего. Чересчур много. Никто не смог бы пройти, не наткнувшись на очередной пост. Любого бы задержали. Никто не смог бы без соответствующего разрешения пролететь мимо Сената. Системам безопасности было приказано открывать огонь на уничтожение. Квартал казался непреступным бастионом. Но не для джедаев. Бесшумными призраками скользили они между патрулями, тусклыми сумеречными переулками, прячась в тени зданий, незамеченными медленно продвигаясь к своей цели. Члены Совета с минуту на минуту должны прибыть к канцлеру. А они должны, неприметно для охраны Сената, оказаться рядом, чтобы прикрыть своих товарищей.

Мгла укрывала джедаев. То ли ночь решила вмешаться в дела смертных и уравнять шансы обеих сторон, то ли дело было в астрономическом лете, в том, что Корускант наиболее приблизился к своей звезде класса G2 V, и в этой части планеты сейчас должна была властвовать зима, если бы люди, перестроив планету, не изменили её климат. Изменив климат, они так и не посмели вмешаться во вращение Корусканта по своей орбите, и теперь были вынуждены использовать энергию для искусственного освещения столицы, начиная примерно с пяти часов вечера. И сегодня город, как обычно, выстрелив в ночь миллиарды огней, отступил перед тьмой, расплывшись неясным маревом. Ночь поглощала всё.

Уже в челнок Храма погрузились Аген Колар, Саэссиэ Тийин и Кит Фисто, а магистр Винду запаздывал. Он находился перед голографическим аппаратом и разговаривал с магистром Йодой. А вернее молчал. Хранил молчание и Йода. Разделённые пространством оба магистра безмолвствовали, что-то припоминая, о чём-то размышляя.

— Пора, — наконец вымолвил Винду.

— Значит, решил ты, — отозвался Йода, — погубишь Орден, если проиграешь.

— Я приложу все усилия, чтобы не допустить этого.

— Шёл к власти долго Палпатин. Не мог он не думать, что делать с нами. Ловушка это может быть.

— Оборону укрепили, группу подмоги отправили. Избранного канцлер от себя ни на шаг не отпускает, что нам на руку. Неужели мы не сможем арестовать одного политика?

— Если его защищать будет лорд ситхов, то нет.

— Мы устраним ситха. Не может быть он сильнее нас всех. Сильней Избранного. Но я боюсь, что для ситха канцлер — разменная фигура. Он запросто пожертвует ею и как всегда затаится.

Магистры вновь замолчали.

— Проиграть не боишься, — поинтересовался Йода, — или полагаешь, у нас выбора нет?

— Это наша война, наш долг. А проиграем мы или нет — как будет угодно Великой Силе.

— Угодно Великой Силе...

— Тревожит меня, что, перешагнув через одно, мы легко сможем перешагнуть и через другое.

— О власти сейчас говоришь? О Сенате?

— Да.

— К чему этот разговор, если решение ты уже принял?

— Мне самому не нравится моё решение, учитель. Мы допустили появление ситха, допустили его проникновение во власть. Мы оказались неспособными на ту работу, которую не

одно поколение выполняли перед обществом. Возможно, Вы правы, учитель, нам следовало бы признать свою слабость и отказаться от военных обязанностей, посвятив себя только духовному. Но сейчас мы должны выполнить последний долг.

— Да пребудет с нами Сила, — выдохнул Йода.

Падме, как и миллионы других, тоже вышла на балкон, вглядываясь вдаль, в сторону Храма, отмечая необыкновенную активность в воздухе Корусканта. Беспокойство, накатывающее волнами, росло. Ей никак не удавалось убедить себя, что всё будет нормально, что у неё просто сдали нервы, что во время такой спокойной ночи ей мерещится опасность, что были, действительно, страшные минуты, а сейчас — нет. Что возможно это у неё такая вот своеобразная реакция на безопасность, она отвыкла быть там, где спокойно, и затишье предупреждает её о беде.

«Всё будет в порядке. Со мной, с малышами, с ним», — думала она, но все чувства кричали ей об обратном.

Что-то происходило. Что-то скрывала эта удивительно ясная ночь. Что-то скрывал от неё собственный муж, её люди, охрана. Скрывал и немногословный капитан Тайфо, вдруг решивший самолично проверить системы безопасности и находящийся сейчас у неё в приёмной.

И хотя она понимала, что её пытались беречь и не беспокоить, молчание действовало ещё хуже правды, какая бы она не была.

«Страшнее ждать опасность, чем быть в ней. Если бы мне сказали правду, я бы, верно, не так волновалась. Я бы не перестала беспокоиться, но во мне уже не было бы этого животного ужаса перед безызвестностью, перед неведомым».

Вечно ждать — вот что ей оставалось. И беспокоиться.

«Свяжись со мной, если не можешь прийти, если дела твои не отпускают тебя, скажи мне пару слов и меня отпустит тревога. Ты же знаешь, что я не могу узнать, что с тобой, не могу сама связаться с тобой, хотя как бы мне этого хотелось. Я знаю, что случилось нечто важное, связанное со смертью Гривуса. Если не можешь, не говори истины, просто свяжись со мной», — снова и снова молила она ночь, но в ответ слышала только стук собственного сердца.

Глава 2.

Противостояние

Молча, не проронив ни слова, практически без движений, до предела сконцентрировано, Кос Палпатин, верховный канцлер Республики, и Энекин Скайуокер, рыцарь джедаев, ждали девяти часов. Наблюдая за вечерним городом, как-то по-особенному красивым ночью, раскрывающимся фейерверком огней, зарницами лазерных вывесок, всполохами лучей безопасности, прячущим в темноте дневное уродство и грязь, они ждали девяти часов, хладнокровно застыв в декорациях приёмной.

Для того чтобы выжить сегодня вечером — им необходимо быть безупречными. Отчаянно дерзкими. Чрезвычайно сильными. Быстрыми. Опережать, безошибочно предугадывая врага, предчувствуя каждое его действие, каждую его мысль. Должны всегда быть на шаг впереди. Должны не допускать ошибок.

Когда всё приготовлено, всё, что в силах и даже больше сделано, самое трудное, что остаётся — это ждать. Особенно трудно ожидание тогда, когда все способности мобилизованы. Когда всё зависит от твоего спокойствия и уравновешенности. От умения трезво оценивать. От быстроты реакций. От любой малейшей случайности, досадной ошибки, медлительности.

Собранные и готовые ко всему, предусмотревшие каждую возможность противника, даже самую невероятную, обострившие свои ощущения и интуицию, заставившие работать свой ум хладнокровно и чётко, настолько отстранённо от застывшей, натянутой нервной системы, насколько это было возможно. Ибо ставка была высока как никогда — ни много, ни мало — всё: будущее, судьба, жизнь.

Энекин сосредоточено замер у окна. Канцлер же, утонув в чёрном кресле, напротив, показался бы стороннему наблюдателю, расслабленным и спокойным.

Время текло медленно, и Энекин, взглянув на настенные антикварные часы — гордость Палпатина, со старинным циферблатом и стрелками, — подумал, что оно обладало довольно

интересным свойством: внезапно останавливаться и замирать, чтобы потом вдруг, разогнавшись, лихорадочно приниматься наверстывать упущенное, вмещая в секунды часы, недели, и месяцы.

Ещё раз прокрутив в мыслях выполненное, вспомнив каждую мелочь, канцлер позволил улыбке проявиться на лице, осознав, что сегодня, пожалуй, он подошёл так близко к достижению своих целей, ранее выглядевших невыполнимыми, сумасшедшими, безнадежными. Будь на его месте другой человек, менее выдержанный и слабый, у того захватило бы дух от подобного, от скорой возможности реализации безумных планов, вынашиваемых более тридцати лет, от последнего шага, отделяющего его от успеха. Того бы опьянило точно так же, как опьяняет разреженный горный воздух, когда покоритель вершины стоит наверху и рискует свалиться вниз. Кого бы угодно, но не Коса Палпатина, умевшего терпеть и ждать, умевшего быть холодным и спокойным, умевшего не останавливаться и идти дальше. День за днём, год за годом идти, готовиться, обдумывать, менять и корректировать, терпеливо ждать, медленно продвигаясь к своей вершине. И вот, когда оставалось последнее — противостояние, из которого он рассчитывал выйти победителем, с достаточно серьёзной долей вероятности — он вновь ждал. Как странно, что вся его жизнь казалась короче этих последних минут. Странно, что ожидание в течение прошедших десятилетий легче переносилось, чем сейчас.

И в тот момент, когда Энекин бросил взгляд на часы, а Палпатин улыбнулся, оба одновременно почувствовали, что челнок Ордена приземлился на стоянке Сената.

И пока члены Совета высаживались из транспорта, поднимались на лифте и шли до приёмной, Энекину и Палпатину, независимо друг от друга, показалось, что время окончательно встало.

Длинный коридор, устланный красной ковровой дорожкой, безмолвные гвардейцы, стоявшие каждые три метра вдоль стен, ставшие элементами интерьера, окаменевшими памятниками. Их было больше, чем бы хотелось.

«Будет нелегко», — подумал Кит Фисто.

Прорвутся ли сюда их товарищи, сейчас растворившиеся в ночи, наверное, недалеко от здания Сената. Не слишком ли их мало для столь дерзновенной попытки?

Он вспомнил, как, обсуждая операцию, они пришли к выводу, что маленький отряд хорош именно своим внезапным появлением. Более многочисленную группу заметят сразу и эффект неожиданности пропадёт. А силы были явно неравные. Даже, соберись здесь всем Орденом, пробившись через все посты, они вряд ли бы смогли противостоять неисчислимым легионам Алой гвардии. Разве что выстоять в Храме, выдержав несколько дней осады, но — никак не атакуя Сенатский комплекс.

Как было бы проще, согласись канцлер лично явиться к ним на заседание Совета. Нужно отдать должное Палпатину, за тринадцать лет работы в непосредственном пересечении с Орденом, он не стал более понятен Совету, наоборот, с каждым годом канцлер казался всё более и более непредсказуемым.

«Готов ли канцлер к перевороту? Что это? Просто каприз августейшей особы, желание оставаться хозяином разговора, принимая гостей? Или предчувствие ловушки? А может, обычная осторожность опытного политика?»

Аген Колар и Саэссиэ Тийин шли и одновременно вслушивались в ночь, внутри себя улыбаясь, чувствуя своих друзей, находящихся ещё вовне здания, но уже рядом, до сих пор никем незамеченных, успешно выполняющих первую часть своего задания.

Пока удача с ними.

Возглавлял шествие более чем сумрачный Мейс Винду. Его не заботила ни Алая гвардия, ни малочисленность группы прикрытия, ни даже канцлер Республики Кос Палпатин. Он был уверен, что только уничтожение таинственного лорда ситхов позволит им выиграть. И если они выстоят, то ни канцлер, ни Алая гвардия уже ничего сделать не смогут.

Но если враг снова укроется и затаится, придётся начинать всё сначала, каждый день готовясь к возможной гибели Ордена, высчитывая, выискивая тех политиков, через которых ситх вновь начнёт свои манипуляции Сенатом. Им придётся следить за сенаторами, ибо и без тёмного лорда там предостаточно карьеристов, готовых ради собственной власти попытаться предпринять

любые популистские программы, которые обычные граждане встретят на ура. И закрытие Ордена может стать одной из таких программ.

Но если им повезёт, и ситх будет сегодня защищать свою марионетку, выстоят ли они? Сокрушит ли Избранный врага? Хватит ли у него сил? Хватит ли у них у всех сил, прежде чем, погибнув, убить Дарта Сидиуса? Будет ли Великая Сила с ними?

Скайуокер смог уничтожить графа Дуку. Он обладал неплохим потенциалом, к сожалению, не до конца раскрытым. Если не вмешается его обычная несдержанность и бесхитрость, то у них возникнут довольно высокие шансы победить. Только бы ситх опять не скрылся. Только бы решился в открытую сразиться со своими врагами.

Мейс презрительно усмехнулся. Сколько лет ситх уже прячется от них, более чем осторожничая, но, тем не менее, они уже рядом и бесследно ускользнуть у того вряд ли получится. Пророчество должно быть исполнено, и возможно даже сегодня.

Верил ли он, Мейс Винду, в то давнее сказание, легенду, если каждый раз, когда заходила речь о толковании, скептически возражал другим? Наверное, всё-таки да, верил, но не понимал и пытался постигнуть, расшифровать, разобраться. Однако древний текст был иносказателен, порождал загадки и двусмысленность, позволял применять к себе всевозможные трактовки. А истина, как обычно, скрывалась между разными интерпретациями. Наконец-то она будет скоро выявлена, ибо наступает время, когда оживают даже древние предания. Время, когда застывают минуты и часы, встают секунды. И длится один миг настоящего.

За час до комендантского часа, за несколько мгновений до того, как члены Совета вошли в приёмную канцлера, группа подмоги добралась до этажа, где расположились апартаменты канцлера Республики. Охране Сената не пришлось в голову лично проверить единственную отвесную стену, лишённую посадочных площадок, спроектированную на этом этаже немного наклонённой, уходящей, насколько это возможно для обтекаемой формы здания Сената, острым углом вниз. Там невозможно было оказаться — некуда было высадиться, некуда припарковаться. Кроме того, там действовали датчики слежения автоматической системы безопасности, с которыми джедаи, надо сказать, успешно справились. Несколько ярусов им пришлось взбираться по стене, помогая себе тросами, используя все свои физические способности, натренированные годами, помогая себе Великой Силой. Только здесь, на, казалось бы, неприступной стене, можно было оставаться незаметными, чтобы в нужный момент внезапно попасть в коридор, ведущий от лифта к приёмной и прорваться к магистрам.

Если их помощь не потребуется, они так же незаметно уйдут, растворившись в ночи. Если они будут нужны, они беспрекословно выполнят задание. Возможно, погибнут, исполняя свой долг. Но не дрогнут, не отступят. Иначе и быть не может.

Находясь снаружи здания, готовые к возможной атаке, джедаи замерли, слившись с корпусом, сделавшись составляющими стен. Казалось, что они парят над бездной, перенося сильнейшие шквалы ветра, неизбежного на такой высоте, вызванного аэродинамикой здания. Суровые тренировки, терпение, спокойствие позволяло им переносить любые условия. И сегодняшние.

Ночные призраки, суровые рыцари, ждавшие своего часа, готовые к любым событиям.

Их было не больше сотни.

Глава 3.

Гибель Совета

Красные декорации приёмной. Шесть человек, занявшие свои места, но не спешившие начинать действие. Тихие звуки голосов. Неторопливые, продуманные приветственные реплики. Вежливый канцлер, безучастный Скайуокер, учтивые магистры. Все спокойны, кроме слегка удручённого Винду, выявившего, что никого постороннего в апартаментах нет. И хотя Алая гвардия осталась за закрытой дверью, и операция имела наивысшие шансы пройти бесшумно, безо всякого сопротивления, плохо было то, что Дарт Сидиус, тёмный лорд ситхов опять уклонился от встречи с ними.

— Я вас ждал, уважаемые магистры, — такими словами встретил джедаев Палпатин, — надеясь, что у вас есть предположение о том, как произошла утечка информации.

Стоя, поприветствовав гостей, он сразу же опустился в кресло, жестом приглашая вошедших следовать его примеру. Но джедаи отказались, продолжая стоять недалеко от входа.

— Информация о смерти генерала Гривуса была сознательно нами разглашена, — как можно безразличнее произнёс Винду и тут же отметил, что Палпатин удовлетворён ответом, словно ждал его. Внимание Винду переключилось на Скайуокера, стоявшего слева от кресла главы Республики и с отсутствующим видом смотревшего в окно, поэтому Мейс пропустил ответную речь канцлера, смысл которой заключался в вопросе, чего магистры, собственно, хотели добиться оповещением всей Галактики, раскрыв детали военной операции.

Несмотря на то, что Скайуокер казался внешне безмятежным, Винду поразило, насколько Энекин собран, насколько напряжён до предела. Поразило, насколько он чутко следит за каждым движением, вслушиваясь во все звуки, словно ожидает чего-то. Неужели Избранный ощутил, что настал день, когда он должен выполнить своё предназначение?

— Мы хотели, — ответил Колар, когда пауза неприлично затянулась, — чтобы все узнали, что конец войны близок. Чтобы у Вас не оставалось другого выхода, как заключить мир.

Встретившись с полыхнувшим стальным блеском взглядом канцлера, Колар умолк.

— А также, чтобы Вы вернули Сенату все свои полномочия, и ушли в отставку, — вернулся к разговору Мейс Винду.

Палпатин, сидел в своём кресле и насмешливо рассматривал джедаев.

— Благодарю вас за столь горячие, — наконец сказал он, — желания мира Республике. Я учту их, — он ненадолго остановился и продолжил уже ироничней, — как рекомендации, магистры.

— Не как рекомендации, — парировал Винду, холодно глядя Палпатину в глаза.

— Вот как? — как бы всерьёз заинтересовался канцлер. — А как что тогда?

Винду не понимал поведения Палпатина: видимо, канцлер не представлял себе серьёзности своего положения, и ему безосновательно казалось, что он всесилен.

— Как то, что Вы исполните, Ваша светлость, по доброй воле или нет, — как ни в чём не бывало, словно не заметив тона канцлера, пояснил он.

Брови канцлера взметнулись вверх.

— А если нет?

— Если Вы не подчинитесь нашим требованиям, мы будем вынуждены Вас арестовать.

— И как Вы это сделаете? — канцлер выражал неподдельное внимание. — Для задержания нужны основания куда более основательные, чем ваше нежелание видеть меня главой Республики. Ордер на мой арест Сенат вам никогда не выдаст. Кроме того, и вы, и Сенат подчиняетесь непосредственно мне, и было бы несколько странным, если бы я выписал ордер на арест самого себя, вы не находите, уважаемые магистры? — он развёл руки, — Я не вижу, каким образом вы здесь что-то сможете сделать законным путём.

Палпатин не удивлялся, не обвинял их в измене и вёл себя как-то не так. «Да он над нами издевается», — вдруг решил Винду, но вслух произнёс:

— Законно не сможем, вы правы, господин канцлер. Значит, нам остаётся действовать незаконно.

— Давайте рассуждать логично, — предложил Палпатин. — Подчинить меня себе у вас вряд ли получится. И беспрепятственно выйти отсюда вы не сможете. Снаружи Алая гвардия, которая подчиняется лично мне. Вам придётся меня убить, — и он улыбнулся, — если получится.

Магистры не ощущали ни тени страха у канцлера, и это их удивляло куда больше, чем ироничный тон Палпатина. Мейс Винду, ещё раз просканировав комнаты, убедился, что кроме четырёх членов Совета, Избранного и хозяина апартаментов, никого больше тут не было. Чего же они не учли? Что же даёт канцлеру такое самообладание, такую веру в собственные силы?

— Уж не думает Ваша светлость, что мы не отважимся и на этот шаг? — будто невзначай бросил Винду.

Палпатин медленно поднялся.

— Вы мне угрожаете? — В этот вопрос он вложил все оттенки собственных эмоций: сарказм, ярость, злость, и даже угрозу.

Джедаи промолчали.

— Вот что значит ваш арест — убийство!

— Это крайняя мера, если, Ваша светлость, нам не оставит выбора, — ответил молчавший до сих пор Кит Фисто.

Канцлер задумчиво прошёлся по кабинету и остановился около сложной скульптурной композиции, выполненной современным ваятелем.

— Вот, значит, каково ваше предложение — либо слепое подчинение воле Совета, либо смерть.

Молчание как согласие, как ответ.

— У меня есть другое предложение, по смыслу сходное с вашим. Совет подчиняется моей воле или...

— Этому никогда не бывать! — возмутился Саэсси Тийин, но Мейс Винду остановил его плавным взмахом руки.

— Вижу, вам нужны разъяснения, — внимательно оценив реакцию собеседников, проговорил канцлер, — дело в том, что я учёл возможность сегодняшней ситуации и подстраховался. Мной был подписан, и разослан приказ под номером шестьдесят шесть, которой должен вступить в силу через час, а точнее, — канцлер взглянул на настенные часы, — через тридцать шесть минут, если я его не отзову. И пока я не решил, отзывать его или нет. Только Вы, магистры, можете подтолкнуть меня к какому-либо выбору.

— И каково содержание этого приказа? — спросил Винду.

Канцлер, отделённый от магистров десятью метрами кабинета, стоял у стены, противоположной и джедаям, и Энекину, и улыбался.

— О! О содержании никому пока не известно. Думаю, вы сможете оценить этот приказ по достоинству. Никогда ещё я не составлял столь безукоризненного документа, — джедаи слушали внимательно, не пропуская ни слова, — Если вкратце — реорганизация Ордена. А точнее — арест джедаев. В случае оказания сопротивления, которое непременно последует, уверяю вас — уничтожение.

— Основание? — быстро спросил Винду.

Канцлер недоумённо пожал плечами.

— Попытка государственного переворота. Доказательств ваших намерений по захвату власти, — более чем достаточно, думаю, вам предоставлять их не стоит, да вы и сами в курсе. Оставим их Сенату.

Магистры переглянулись. И пока они переваривали новую информацию, Палпатин добавил:

— Вы можете спасти Орден. Или погубить. Выбор за вами.

«Шёл к власти долго Палпатин. Не мог он не думать, что делать с нами. Ловушка это может быть», — вспомнились Винду слова магистра Йоды.

Тяжёлое молчание повисло в кабинете.

Так вот откуда эта его уверенность. Он просто их ждал. И подготовился. Очень неплохая попытка. Только он не учёл, что имеет дело с джедаями, а не обычными людьми.

— Мы попытаемся спасти Орден, — ответил Винду. — Но не так, как видется Вашей светлости.

— Значит, вы оказываетесь от моего предложения, я вас правильно понял? — удивлённо спросил канцлер.

— Абсолютно правильно.

— И вы готовы, магистр Винду, взять на себя ответственность за уничтожение Ордена?

Мейс Винду ненадолго задумался, явно подбирая слова.

— Вы, конечно, можете успеть уничтожить джедаев в Галактике, по одному, используя клонов, — изрёк он, — но на Корусканте, Ваша светлость, Вам не одолеть нас так легко. А политика вершится здесь, господин канцлер, в столице, а не на периферии. Поэтому-то Вы и предлагаете нам мир. У Вас ровно столько же шансов, сколько и у Ордена.

Некоторое время канцлер и Винду стояли в разных концах приёмной, неотрывно глядя друг другу в глаза.

Синхронно, не сговариваясь, джедаи активировали мечи.

— Именем Республики, — торжественно провозгласил Мейс Винду, но дальше успело произойти несколько удивительных вещей.

Не успел он договорить, не успел Избранный активировать свой меч, как канцлер Республики Кос Палпатин, стоявший около неураниумной скульптуры, олицетворяющей неделимость пространства со временем, вдруг выхватил из цельной абстрактной композиции небольшой продолговатый предмет, оказавшийся рукояткой светового меча. Вспыхнувшее алое

пламя повергло всех джедаев, включая и Избранного, в шок. Не теряя времени на произведённый эффект и воспользовавшись замешательством магистров, канцлер Республики Кос Палпатин, — нет, не канцлер, а сам Лорд Сидиус! — издав низкий утробный звук, внезапно сделал изящный пируэт, на секунду зависнув в воздухе. И вдруг стремительно завернувшись винтом, Дарт Сидиус яростным смерчем вклинился в вооружённую группу магистров, прежде чем те осознали что-нибудь. Оторопевшие Кит Фисто и Саэссиэ Тийин погибли мгновенно. Аген Колар попытался отразить удар, но его меч отбил воздух — красный клинок был гораздо проворней. И смертельно разил с одного раза. Только вовремя опомнившийся Мейс Винду успел в последний момент скорее машинально, чем осознанно поставить блок красному всполоху и остаться в живых. Заставив себя в один миг забыть о смерти Колара, Тийина и Фисто, пришедших вместе с ним, магистр Винду принялся наступать, тесня Палпатина из приёмной. Избранный пока не вмешивался, но оставался начеку, следуя с включённым мечом за ними. Обмениваясь ударами, противники достигли кабинета и остановились.

— Вы поступили неблагоразумно, — произнёс Палпатин, — выбрав уничтожение Ордена. Я предлагаю Вам сдаться, магистр, обещая сохранить жизнь, даже в случае отказа служить мне. Лишь одно условие потребуется Вам выполнить — не мешать.

— Мы никогда не будем служить ситху, — презрительно, но спокойно сказал Мейс.

— То есть, Вы, магистр, взяли на себя ответственность принять решение за весь Орден? Или говорите только от себя?

— Мы не боимся смерти. Вам придётся всех нас уничтожить для достижения своих целей, — и Винду атаковал Палпатина.

— Зато вы боитесь жизни, — процедил канцлер, отражая удары, и разговор иссяк.

Энекин внимательно следил за поединком. Палпатин его тоже застал врасплох, ошеломив своей внезапной и яростной расправой практически со всем советом. Он, действительно, не шутил и не преувеличивал, когда утверждал Энекину, что не боится магистров и сможет с ними справиться в одиночку. Но зная, кто он, Энекин всё равно не ожидал от столь почтенного политика в довольно зрелом возрасте такой неистовой атаки и отличного уровня фехтования. И ведь это вряд ли всё, на что ещё он был способен!

Присмотревшись к дуэли, несколько затянутой, Энекин отметил, что, хотя Палпатин казался сильней, магистр Винду был явно опытней, и это уравнивало их шансы. Преимуществ не было ни у одной из сторон до тех пор, пока Мейс Винду, оказавшись около бластеронепробиваемого окна, не расколол его легким взмахом аметистового луча. Брызнув транспарастилловыми кусками, большая часть которых вылетела в зияющую пустоту ночи, устремившись вниз, окно впустило шквал ветра, мигом подхватившего бумаги и заглушившего шаги и голоса людей, находившихся в кабинете. Всего на десятую долю секунды обломки транспарастила отвлекли Палпатина от соперника, но этого времени оказалось достаточно для того, чтобы Мейс Винду смог выбить оружие у того из рук, которое, ударившись об пол, отскочило в незащищённый ничем проём окна и упало вслед осколкам.

А в следующую секунду произошло ещё более удивительное событие — клинок Мейса Винду, который должен был пронзить ситха, встретился с синим клинком Избранного.

Растерянность, оторопь, недоумение вызвал у Мейса Винду Избранный, вдруг перешедший на сторону ситхов. Разум, довольно быстро осознавший, что неуловимый враг был рядом, ближе, чем они думали, под личиной, рвущегося к безграничной власти канцлера Республики, постигнувший неожиданное мастерство в фехтовании Палпатина, никак не мог принять поступок Избранного. Даже мгновенная смерть магистров не вызвала такого ощущения безысходности и потерянности.

Как мог рыцарь джедаев, как мог их Избранный, их товарищ, их герой — заслонить собой лорда ситхов, тем самым, предать Орден, принявший его, воспитавший его? Как мог забыть он о собственном долге, о собственном предназначении? Как могла Великая Сила допустить подобное? Как?

Упорное отрицание очевидного и полное разочарование привели магистра к эмоциональному опустошению и отчаянию. Горькому отчаянию, которое ему не удавалось побороть, которое заставляло его шаг за шагом отступать под энергичным натиском и так достаточно сильного и главное обладающего свежими силами и уравновешенного, даже более чем,

хладнокровного Скайуокера. Всё-таки Мейс верил в то древнее предсказание, хотя сам никогда себе в этом не признавался, прячась за сомнениями и поисками истинного толкования. Верил даже сейчас, автоматически отражая удары, не решаясь перехватить инициативу и пробовать атаковать.

Он понял, что проиграл дуэль ещё в самом её начале. Эмоции не оставляли магистру ни единого шанса.

«Предатель», — прошептал Мейс Винду, и это было последнее слово, которое произнесли его уста после смертельного удара синего клинка.

Глава 4.

Спокойная ночь

Огонь.

Над Корускантом — пламя.

Горит земля, пылает небо.

И время в пламени сгорает

Переплавляя быль на небыль.

Огонь.

В твоих ладонях — судьбы.

Не дай же им сорваться в бездну.

Что суждено — пускай не будет.

Все предсказанья — бесполезны.

Огонь.

В твоих руках заклятье.

Времён. Смертей. Чего угодно.

Пусть в пламени сгорит проклятье.

Пусть будем мы свободны...

Jatiquie

Энекин вышел из приёмной и застал в коридоре сражение: заблокировав лифт и запасный выход, джедаи пытались пробиться сквозь ряды Алой гвардии, редеющие шеренги которой пока ещё могли сдерживать рыцарей и противостоять их ожесточённому натиску, стараясь выстоять до прихода резервных подразделений. Вопрос был во времени, смогут ли они продержаться до подхода дополнительных сил Алой гвардии или же джедаи успеют прорваться раньше.

Появление Энекина не осталось незамеченным. Гвардейцы, ближе всего находившиеся к приёмной, устало развернулись, встречая нового врага. Их несколько сбивало с толку то, откуда он вышел. Джедаи же, в свою очередь, радостно приветствовали своего Избранного, салютуя ему световыми клинками, ожидая благих вестей и подмоги.

Но Энекин, активировав меч и не обратив внимания на направленные на него бластеры гвардейцев, спокойно произнёс, адресуя свои слова только джедаям:

— Сложите оружие, рыцари. Совет пал. Вы проиграли.

Бой прервался.

Осмысление сказанного, заняло какое-то время, прежде чем раздались растерянные недоверчивые возгласы, полувопросительные — полуутвердительные, постепенно нарастающие, сливающиеся одним яростным протестом, неистовым выкриком в жестокое понимание, в болезненный выдох:

— Измена!

Мёртвые мгновения бездействия сменило ярое негодование, придавшее усталым рыцарям энергию, импульс для того, чтобы, не без потерь, ринуться к предателю, сметая на своём пути Алую гвардию.

— У вас нет шансов, вы не пройдёте дальше моего меча, — попытался остановить, предупредить рыцарей Скайуокер, но тем самым ещё больше подстегнул.

Неистовство в ответ:

— Предатель!

— Умри, предатель!

Гвардейцы, целившиеся в него, мгновенно сориентировались. Они перенаправили свои орудия и, принялись стрелять в джедаев, пытаясь прикрыть его собой, но Энекин сам кинулся в гущу боя.

Стремительно продвигаясь вперёд сквозь бластерный огонь и смертоносные отблески мечей, оставаясь живым и неуязвимым, он казался и джедаям, и гвардейцам высеченным из стали. Разя бывших друзей, неся гибель, нечеловеческим усилием, без усталости, словно машина, а не существо из плоти и крови, прорубаясь сквозь строй лазерных клинков, уклоняясь и нанося удары, выбивая и разрубая рукоятки мечей, оставляя безоружных и раненных гвардейцам, подчищавшим за ним, он продвигался вперёд, оставляя за собой шлейф поверженных врагов.

Удача была на его стороне.

И Великая Сила тоже.

Когда, наконец, спустя четверть часа прибыло свежее подкрепление Алой гвардии, сражение в коридоре было кончено. Джедаи не выстояли.

Вновь вышедшая на балкон Падме, вдруг, резко вцепившись в балюстраду, так что у неё побелели пальцы, немного поддалась вперёд. Собственного крика, вырвавшегося изнутри, она не услышала.

К ней тут же кинулось несколько человек.

— В чём дело, миледи? — глядя на неё, участливо спрашивали они, не обращая внимания на то, куда она указывает.

Стены покачнулись и поплыли, и слабеющая Падме, стала медленно оседать на вовремя подхватившие её руки.

Служанки занесли её в комнату, уложили на диван.

Капитан Тайфо подошёл к окну.

— Дайте ей снотворное, — вглядываясь в ночь, бросил он девушкам, пытающимся привести свою госпожу в сознание.

— Но капитан, — возразила ему одна из них, по имени Мате, — мы уже ранее предлагали миледи снотворное. Она отказалась.

— Дайте его без её ведома, — нетерпеливо произнёс Тайфо, — подмешайте в стакан воды или во что-нибудь ещё, что она там у вас попросит.

Служанка не могла поверить услышанному.

— Вы предлагаете обмануть госпожу?

Тайфо указал в ночь.

— Смотрите, — просто сказал он.

Издали был виден Храм джедаев пылающим факелом прорезающий чёрноту ночи. Выкидывающий протуберанцы огня, распускающийся цветками пламени, контрастно полыхающий во тьме.

— О! — только и произнесла девушка.

— Скорее, — поторопил её капитан, — она приходит в себя.

Очнувшись на диване, Падме, несмотря на головокружение и тошноту, попыталась подняться, но её ласково и заботливо удержали.

— Вода, миледи.

Машинально она выпила протянутый стакан воды. Память постепенно возвращалась к ней. В храме — пожар. Энекин, что с ним? Где он?

— Хорошо, — её похвалили как маленького ребенка, — а теперь пойдёмте спать.

— Нет, нет, — запротестовала Падме, — мне нужно срочно связаться с Энекиным, — и уже испугано спросила, — Он жив?

Капитан боялся поворачиваться к ней и отвечать пришлось Мате.

— Миледи, он недавно разговаривал с капитаном Тайфо, — ложь давалась на удивление легко, — спрашивал, всё ли у нас в порядке. Он у канцлера, в сенате.

— С Тайфо? — подавленно переспросила Падме, глядя на капитана.

— Да, миледи. Несколько минут назад, когда Вы были на балконе.

Как странно. Падме поднесла руку ко лбу, головокружение не проходило и клонило в сон. Сил не хватало даже на недоумение.

— Но почему не со мной?

Ласковый и слегка укоризненный ответ:

— Уже поздно, миледи, он думал, что Вы спите. Вы же не хотите, чтобы он знал, что Вы волнуетесь, ведь так? Ну же, пойдёмте.

Слабая попытка протеста:

— Нет. Нет. Нет...

— Вы же не хотите, что бы он вернулся и обнаружил Вас еще не заснувшей и встревоженной. Он может решить, что Вы его не любите, не любите ваших будущих детей. Не бережёте себя.

«Береги себя ради меня, ради детей, что бы со мной не случилось», — всплыло у неё в голове.

Веки стали предательски тяжелеть, и она невольно зевнула.

— Вот видите, Вы хотите спать! — радостно воскликнула служанка.

Падме, сонная и обессиленная, позволила себя увести в спальню.

— Спокойной ночи, миледи.

— Почему он связался с Тайфо, а не со мной, — пробормотала Падме, проваливаясь в сон.

«Если у меня есть ангел, его зовут Падме», — вспомнила она и светло улыбнулась, окончательно засыпая.

Мате заглянула в успокоенное лицо Амидалы, улыбка отразилась на её лице. Прежде чем выключить свет и выйти из комнаты, она нежно провела рукой по волосам спящей.

Капитана Мате застала на балконе.

— Ну, как? — спросил Тайфо.

— Уснула, — с облегчением произнесла она и, проследив за взглядом капитана охраны, поинтересовалась, — что же там происходит?

Капитан, хмуро созерцающий столп огня, взметающийся над Храмом, тяжело вздохнул:

— Хотел бы я знать.

Пожар, который мог созерцать не только капитан Тайфо, начался из-за того, что один из батальонов клонов смог прорваться в юго-восточное крыло Храма. Отступая, джедаи рискнули взорвать часть здания, дабы выиграть время и остановить наступление.

То ли дующий некстати северо-западный ветер, то ли какие-то выкрутасы джедаев с Силой, но разгорающееся пламя перекинулось не на основной комплекс Храма Ордена и вспомогательные корпуса, а на прилегающие сооружения и нижние ярусы. Огонь, выпущенный на свободу, несмотря на автоматические системы пожаротушения, стремительно, с большой скоростью распространялся всё дальше и дальше. Выгорающие здания выбрасывали в воздух ядовитые испарения, выплёвывали горячие капли расплавленных смесей металлических и нет соединений. Пахло гарью. Выли сирены систем безопасности. Раздавался глухой треск, более пугающий, более оглушительный, чем звуки бластерных выстрелов штурмовиков, казалось, будто стонут здания, получившие огненные ранения.

Пожару немедленно была присвоена самая высокая степень сложности. К опасному кварталу прибывали и прибывали спасательные и пожарные расчёты, работу которых, помимо стихии огня, затрудняла перестрелка между штурмовиками и обороняющимся Орденом, и смятение среди пострадавших. Обычные граждане, случайные зеваки, зажатые в смертельной ловушке между пламенем с одной стороны и битвой с другой, испуганно метались, упуская шансы на спасение, мешая всем прибывшим подразделениям выполнять свою работу. И неизвестно какая из стихий была страшней — пожар, сражение или паника.

Когда толпа людей, пытаясь захватить транспорт спасателей, кинулась к пожарному расчёту, из темноты вынырнула светящаяся точка, слишком маленькая для того, чтобы оказаться еще одним спасательным судном. Она быстро приближалась, вырастая в небольшой истребитель, который приземлился недалёко от Храма. Из кабины выскочил молодой человек и метнулся к пожарным.

— Что у вас происходит? Немедленно прекратите панику!

Залившее потом лицо офицера от жара, безнадежно уставшее пожимание плечами.

— Попробуйте сами успокоить людей. Когда с одной стороны бластерные залпы, а с другой огонь.

Молодой человек, прилетевший неизвестно откуда, выхватил у офицера бластер, развернулся и пустил несколько зарядов в толпу, не целясь, но попадая, как ни странно, в особо буйных и отчаянных.

Люди, которые чуть не снесли пожарный расчёт, вздрогнули и притормозили, словно какая-то невиданная сила остановила их, внезапно отрезвив.

— Сюда направляются эвакуаторы и пассажирские аэробусы, — произнёс человек, обращаясь к толпе — вы останетесь живы, если будете чётко выполнять приказы спасателей.

Он говорил так спокойно, что ему нельзя было не верить.

Человек вновь обернулся к офицеру, возвращая оружие и так же громко, не понижая голоса, чтобы его могли все услышать, отдал приказ:

— Стреляйте в любого, кто не будет адекватно реагировать на ваши команды. Мы должны остановить пожар, любой ценой.

Оцепеневшие очевидцы молча смотрели вслед странному человеку, быстро направляющемуся в самый ад сражения. Они запомнили только его спокойный властный голос и чёрный развевающийся плащ.

Глава 5.

Падение Храма

Шёл второй час осады Храма, когда обороняющиеся джедаи, заметив изменения в диспозиции батальонов клонов, решивших, видимо, прорываться сквозь зал Совета, были вынуждены сконцентрировать основные силы на верхних этажах и у центрального входа. Транспарастилловые окна прекрасно защищали от бластерного огня, но, увы, каменные стены, получающие новые и новые порции взрывов и выстрелов, к глухим звукам которых джедаи уже привыкли, постепенно поддавались натиску трассирующих снарядов. Ощущалась легкая вибрация. Но Храм выстоит. Должен. Он рассчитан на это. Грозный бастион, твердыня, оплот.

Неожиданно глухой, набирающий обороты рокот, родившийся будто бы под самим основанием, заставил Шаак Тии связаться с привратником Журанком, следящим за всеми системами безопасности, прежде чем дрожь волной прокатилась по устоявшему и на этот раз комплексу.

— Атака на главный вход и зал Совета — отвлекающий манёвр, — пояснил Журанк, — у нас прорыв в северном крыле, связь с расположенным там отрядом потеряна.

Шаак Тии выдохнула: Холокрон! В северном крыле размещались: библиотека, музей, хранилище, в котором находилось то, что уже не одну тысячу лет джедаи старательно собирали и тщательно берегли. Отобранная по крупницам информация, накопленные знания, исследования, научные и не только сочинения. Исторические документы, древнейшие летописи, хрупкие манускрипты, различные предсказания, всевозможные откровения, жизнеописания. Подлинники произведений искусства, уникальные памятники письменности, возникшие на заре развития многих цивилизаций. Также там содержались собрания трудов тёмных джедаев и даже ситхов, доступ к которым был разрешён только магистрам, да и то с резолюцией Совета. Это была самая защищённая, самая неприступная часть Храма.

— Взрыв устроили мы, но северное крыло — цело, — добавил Журанк. — Они смогли обойти наши коды доступа и автоматику. Как если бы мы сами их пустили, распахнув настежь двери.

А ведь в Холокроне, именно потому, что там было безопасней всего, находился вооруженный отряд падаванов, возглавляемый Кином Драллигом, почтенным преподавателем фехтования.

— Как им это удалось? — не разжимая зубов, процедила Шаак Тии.

— Слухи оказались правдой. Ими командует Избранный.

Шаак Тии смотрела в пустоту.

— Но мы сменили час назад все пароли, — произнесла она, и Журанк в ответ промолчал. Впрочем, и так всё было ясно. Человек, который командовал батальонами, с детства был одарённым, в первую очередь, в технике. Что для него автоматические запоры? — Почему Кин Драллиг не взорвал крыло? — тогда спросила она, и снова получив молчание в ответ, поняла — потому же, почему клоны вошли в Храм — Избранный.

— Мы перенаправили туда большую часть сил, — отозвался, наконец, Журанк и добавил, — извините, но я не могу больше разговаривать.

Шаак Тии рассеянно кивнула. Конечно, ему нужно было заниматься слежением и координацией, а она своими растерянными вопросами всего лишь отвлекала его.

Штурмовые батальоны никогда с такой легкостью не пробили бы защиту Храму, если бы не один весьма весомый аргумент — предательство Избранного.

Лабиринты коридоров, анфилады залов, находившиеся в виде трёхмерного плана у него в голове — знакомые настолько, что он мог пройти по ним с закрытыми глазами, не используя ощущения и интуицию, не используя Великую Силу. Сколько раз он пересекал их, неспешно или почти бегом, слушая возвращающиеся гулкие звуки собственных шагов. А сегодня по ним он ведёт штурмовиков, зачищающих Храм, сквозь прибывающих и прибывающих джедаев. Ведёт наперекор всему и всем, словно стихия, шквал ветра, перед которым не устоять, снося всё перед собой. Энекину казалось, что он слился воедино с мечом, сам, сделавшись плазменным клинком, губительным пламенем, несущим смерть лучом света. Грозовым отсветом, слепящим насмерть. Наотмашь, безжалостно, без разбору, ни разу не дрогнув, встречая ли меч преподавателя, учившего его, или падавана. Может ли быть ураган милосердным?

При разминировании северного крыла погиб пытающийся выполнить свой долг отряд, не устоявший ни перед натиском клонов, ни перед тонким, но смертоносным синим лучом. Холокрон был взят без серьёзных повреждений, ему удалось спасти его.

Ему всё удавалось в эту ночь.

Сейчас он форсировал наступление, пытаясь пробиться и взять под контроль весь Храм до первого луча солнца. Неумолимо, вопреки оказываемому сопротивлению, прикрываемый огнём клонов, фалангой за фалангой падающих навзничь, от рикошетов своих же выстрелов, срубленных взмахами мечей рыцарей, но возникающих снова и снова взамен погибших, он, словно кошмарное наваждение, продвигался вперёд с неисчерпаемым запасом сил, доминируя и тесня.

Оттягивая неизбежный финал, не прося пощады, джедаи умирали, захватывая с собой десятки жизней, но никак не могли взять самое желанное — жизнь предателя. Неотвратимый как судьба синий клинок, жесткий как сама жизнь, быстрый как ветер — он непостижимым образом не уставал, черпая с каждым взмахом новые силы. Живому существу не мог сопутствовать такой успех. Уворачиваясь от сплетения лучей, безжалостно, безэмоционально, сметая всех и вся, ускоряя наступление, чеканя шаг и рубя с плеча, не реагируя на падающих навзничь, обрекая одним взмахом. Никакая отвага не могла переломить это продвижение, остановить, задержать. Ничьё виртуозное владение мечом не могло пробить его защиты. Он был неуловим — тень, скользкая неистовством смерти. Сама смерть, синим росчерком подписывающая приговор Ордену.

Джедаи знали, что им не выстоять. Но держались дольше, чем могли. Горечь, разлившаяся горечь, из-за того, что воспитанник Ордена предал их, и желание забрать его с собой — вот то, что позволяло им стойко держаться, не дрогнув, не отступая, позволяя проходить противнику вперёд только сквозь их жизни.

Орден стоял насмерть.

Эпитафия

Lacrimosa dies illa

Лучи восходящего солнца обагрили каменные стены, осветили лица павших, зашли в уцелевшие и нет окна.

Пал Орден.

Погребальным костром запылал рассвет.

Пал Орден.

Равнодушно взирали на разрушенный исполин те, кого веками защищали джедаи. Ни единого вскрика, ни единого стенания и плача, ни единого вопля. Безжалостным и безмолвным было наступившее утро.

Пал Орден.

Пали рыцари, тысячу тысяч лет служившие гражданам Республики. Ушли, не оставляя следов, кроме бранных тел, растворившись в Великой Силе, обретая покой.

Отчаяние было последним ощущением джедаев. С ним умирали рыцари, с Горьким Отчаянием, вкладывая последние силы в удары мечей, с Горьким Отчаянием грудью встречая бластерные залпы. Они не просили милосердия, ибо милосердие было для слабых духом. Они встречали смерть, не дрогнув, не отступив.

Пал Орден.

Всё обернулось против него. Безучастные люди, которых джедаи защищали. Беспрекословные клоны, повернувшие оружие против собственных командиров. И, наконец, Избранный, презревший тех, кто его выучил, посмеявшийся над древним пророчеством, присоединившийся к ситху.

Пал Орден.

Их Избранный присоединился к врагу, уже более десяти лет управляющему Республикой, к врагу, собравшему в своих руках все необходимые ниточки для абсолютной власти.

Горькое отчаяние сквозило в каждом движении, в каждом взмахе меча: Пал Орден!

О Храм! Не быть тебе больше, о Храм, грозой для врагов. Величественный и красивый, бастион, твердыня — не быть тебе, о Храм, оплотом Силы. Не светить лазерными лучами безопасности. Не отправлять своих рыцарей защищать справедливость. Не участвовать в заседаниях благородного Совета Ордена. Не олицетворять честность и честь. Не слушать голоса юных учеников. Не взирать холодными стенами на серьёзных падаванов, постигающих свою суть. Не наблюдать за уставшими джедаями, возвращающимися со своих опасных миссий. Не медитировать вместе с рыцарями Света, слушающими Великую Силу.

В тебе почти нет жизни, о Храм! Она утекает по капле, как утекали силы рыцарей, получивших смертельные ранения. Ты умираешь, безгласный Храм.

Никогда более рыцарям Мира, рыцарям Света не придётся снова и снова рисковать, спасая других. Они, наконец, отдали свой долг сполна. Людская память — неблагодарна. Их будут помнить только эти стены, ставшие надгробием, безмолвным памятником. Памятником, впитавшим все события, происходившие здесь, все слова, сказанные здесь, все эмоции, отбуживавшие здесь, всё отчаяние и всю горечь поражения, родившиеся тоже здесь, в этих стенах.

Спите спокойно, рыцари, вы заслужили покой.

Глава 1.

Утро

Ключья чёрных облаков разрывали болотное неравномерно светлеющее небо Утапау. Ночь уходила. Казалось, будто увлékшийся зеленью художник раскрасил свод, играя всевозможными оттенками бирюзы, малахита, сверкающего изумруда, затемняя или осветляя основной тон.

Оби-Ван не увидел, как лучи света создают свой очередной шедевр, неповторимый и захватывающий дух. Не заметил рассвета. Не знал, чем закончилась битва между клонами и дроидами. Не наблюдал, как часть штурмовиков покинула планету, а жители Утапау вернулись к своим обыденным делам, не понимая толком, что здесь случилось, и как могла их планета попасть в гущу военных событий. Жители Утапау, которые воспринимали недавние события как дурной сон. И, в отличие от них, для рыцаря джедая наступивший кошмар не предполагал никакого пробуждения.

Оби-Ван Кеноби находился в пещере, ошеломлённый, оглушённый, не воспринимающий никакой внешней информации. Не замечающий ни холода приходящего утра, ни того, что его пытались найти собственные солдаты, тщательно исследовавшие озеро, а также обыскавшие все пещеры. Ни даже дроида-разведчика, пролетевшего мимо несколько раз, но так и не зафиксировавшего никаких признаков жизни.

Он, мокрый и продрогший после вынужденного купания в ночном водоёме, но не чувствующий собственной дрожи, не ощущавший переохладения, сидел на каменном полу, полуприкрыв глаза, обхватив руками колени, и медленно, словно пребывая в трансе, покачивался.

Уже не один час он слушал агонию, чувствовал каждый эмоциональный всплеск, каждый уход, умирая раз за разом с каждым последним выдохом растворяющихся в Великой Силе джедаев, но снова и снова оставаясь в живых, воскресая, испытывая последние муки завершающих жить, отделённых от него вакуумом пространства, тысячами парсеков друзей, товарищей.

Ему хотелось громко выть, неистово реветь как загнанному зверю, кататься по земле и дико, истушленно кричать. Кричать от боли, от бессилия, от отчаяния. Рыдать потоком солёных слёз, горько и отчаянно. Но он не мог. Словно пойманная рыба, которая часто открывает рот и бьёт хвостом, но так и не может сделать вдох, он отрешённо молчал, беззвучно раскачиваясь на холодных камнях. Сидел, словно оупев от внутренней боли, не понимая, как её может быть так много в мире, бесконечно много.

Человек в тёмном плаще, возникший посреди комнаты вместе с восходом, незаметно для охраны и многочисленных людей сопровождения, словно внезапно сотканный из воздуха первыми лучами, заглянувшими в спальню, сидел в кресле и смотрел, как солнце играет бликами на волосах спящей, улыбающейся ему во сне чистой и нежной улыбкой.

Этой ночью он не спал, он давно как следует не спал. Предстоящий через минуты перелёт через всю галактику даст ему, наконец, возможность как следует отдохнуть. Пока корабль на автопилоте со сверхсветовой скоростью будет продвигаться сквозь гиперпространство, можно будет, провалившись в сон, восстановить силы, полностью растраченные за сегодняшнюю ночь.

Ужасно длинная ночь. Тяжелая и нелегко давшаяся.

А ведь это была ещё не победа. Оставалась последняя точка, заключительный аккорд — сепаратисты, которые могут довольно скоро узнать о гибели джедаев. Необходимость срочного перелёта. Не жестокость, не месть, не желание повергнуть врагов, вкусить их гибель, а элементарное выживание. Нужно успеть опередить и их на полшага, на полмгновения. И ни в коем случае не расслабляться.

Нежная улыбка, спокойное лицо, размеренное дыхание, разметавшиеся по подушке пряди волос.

Как бы он хотел остаться здесь, в этой полутёмной комнате, где лучи утреннего солнца выхватывают из полумрака родное лицо, скользя по предметам, преобразовывая комнату, освещая танец микроскопических пылинок, напоминающих хаотическое движение Вселенной. Зачем, зачем ему еще нужна была победа, если не для возможности остаться здесь, рядом, навсегда.

«Прости меня за то, что я не хочу будить тебя, что я не смогу дождаться твоего пробуждения. За то, что ты проснёшься, когда меня уже не будет здесь. Скоро... Скоро последнее препятствие исчезнет. И мы будем вместе. Всегда. Чаше».

В эту секунду, глядя на столп света, падающий на угол кровати, он почти верил в это.

«Пожалуйста, береги себя. И детей. Мне не нужна победа без тебя».

Эта не та цена, которую он бы хотел заплатить за достижение всех своих целей.

«Мне хочется остаться здесь. Просто остаться».

Он взял её ладонь, прильнул к ней своей щекой. Закрыв глаза.

Пора.

Почему он всё ещё был жив?

Оби-Ван, ощутив безжизненный вакуум, очнулся и попытался подняться, но упал навзничь — все мышцы затекли. Только сейчас чувствуя физическую боль, покалывание по всему телу, чувствуя холод, заглушающие ту страшную пустоту одиночества, чёрную дыру, засосавшую его друзей, он пришёл в себя окончательно. Крик как выдох. Горькие слёзы потери, нестерпимой потери. Он никогда не рыдал. Даже когда погиб его учитель.

Что с ним? Разве джедай не должен быть спокоен?

«Я отплачу и отплачу».

Нет смерти, есть Великая Сила. Азбучная истина из кодекса сводила судорогой лицо. Он пробовал на вкус слова. Повторял её снова и снова. Не помогало.

«Я неправильный джедай. И никогда не был правильным».

Зияющая пустота.

И хотя он не почувствовал гибели ни Энекина, ни магистра Йоды, он знал, откуда-то знал, что потерял и их.

Чувства взрываются, пульсируют, клокают в нём.

Отмщение. За всё. За всех. Сполна.

Джедаи не мстят.

Стон, вырвавшийся болезненный стон.

И мысль. Спокойная рассудительная мысль, от которой становится легко:

«Я не джедай».

Мысль, которая позволяет ему улыбнуться, страшно улыбнуться и выйти из пещеры.

Маленький истребитель, угнанный истребитель, набирающий высоту в зеленеющем небе Утапау. В высоком небе Утапау, превращающийся в маленькую точку, улетающий вдаль, прочь. И человек, ведущий его, проживший за ночь разом сто жизней, и несчётное число смертей, жутко улыбающийся человек, улыбающийся так, как могут улыбаться только выцветшие фотографии на каменных плитах кладбищенских памятников.

Глава 2.

Альянс

Ликования сенаторов, вскочивших в едином порыве, казалось, будут неиссякаемыми. Это было торжественное чествование Палпатина. Его победа. Его триумф.

Война практически закончилась. Дипломаты из кабинета канцлера смогли расколоть сепаратистов и в обход главным зачинщикам войны добиться подписания мирного договора с влиятельными элитами воюющей с Республикой коалиции, возглавляемой Торговой Федерацией, теперь, кстати, объявившей скрывшихся своих лидеров вне закона.

Лишь чрезвычайные полномочия канцлера, сосредоточение всей полноты власти в его руках позволило так быстро подготовить мирное соглашение с влиятельными лицами той стороны и подписать его, лишь централизованное управление позволило вообще выиграть эту войну. Поэтому сенаторы только что большинством голосов проголосовали за нововведения по реорганизации системы управления. И за бессрочное канцлерство Коса Палпатина. После волеизъявления, когда канцлер произнёс речь о строительстве могущественного государства — сильной империи — ликование достигло апогея и сенаторы, вскочив, стали выкрикивать: «Император!»

Бейл Органа, который с утра был несколько оглушён новостями, и, возможно, по этой причине оказался в ложе представительства Набу, рассеянно сидел, не принимая участия ни во

всеобщем безумстве, ни в голосовании, и смотрел на Амидалу. Она же довольно спокойно прослушала речь Палпатина о заговоре джедаев, о мире и о грядущих реформах. Сидя вполоборота к Органе, разглядывая беснующихся в невероятном восторге коллег, Амидала презрительно улыбалась.

— Вот так, под гром аплодисментов и умирает свобода, — произнесла она, и Бейл мог поклясться, что произнесла она эти слова не без издёвки.

Возразить он ей не успел. Крики «Да здравствует Император!» заглушили всё. Когда они начали спадать, Падме, не дожидаясь окончания заседания, встала и пошла вон из зала, Органа тут же вскочил за ней и отправился следом.

— Думаю, что больше ничего интересного не будет, — на ходу проговорила ему Амидала, — оставаться здесь бессмысленно, — и вдруг, находясь уже почти в коридоре, повернувшись, взглянув мимо него на принимающего овации Палпатина, она мягко спросила, — а знаете ли Вы, Бейл, какой смысл изначально вкладывали в слово «Император» жители центральных регионов? Это же их слово.

Органа был, конечно, в курсе, что общегалактический вышел из прежних языков и наречий центральных систем, но об этимологии слова "Император" не знал. Поэтому он, проследив за её взглядом, отрицательно покачал головой.

— Победитель, — пояснила она, — Император — это победитель. Был такой клич в древности, которым войска приветствовали своего полководца, разгромившего врага, — она замолчала и потом задумчиво добавила не без восхищения. — Что ж, очень подходит. Ну, чем не победитель?

Вопрос был риторическим, и Бейл даже и не думал на него отвечать. Всё и так было ясно. Замерев, не двигаясь, они стояли и смотрели на Коса Палпатина, находившегося в центральной ложе. Из состояния невольного любования канцлером их вывела реплика невесть откуда взявшейся Мон Мотмы.

— Иблис арестован! — резко бросила она вместо приветствия.

Падме очнулась и мгновенно отреагировала:

— Не здесь. Пойдёмте ко мне.

И тотчас же столкнулась с сенаторами Ние Алавар и Мале-Ади, накануне вместе с Падме и Иблисом, относившими канцлеру петицию. Увидев Амидалу, они испуганно отшатнулись, пытаясь сделать вид, что никого не узнали — не заметили, и быстро свернули в первый попавшийся поворот.

Падме усмехнулась.

— Они считают, что меня тоже арестуют. Глупцы.

Мон, несколько минут обдумывала эти слова, прежде чем решила спросить:

— А почему нет, Амидала?

Падме не ответила, и продолжала молчать до тех пор, пока они не добрались до её апартаментов. И только когда она отпустила своих людей, только тогда попыталась объяснить:

— Не вижу причин для ареста. Я вчера несла обычную свою ахинею, к которой Палпатин уже выработал иммунитет. А вот Иблис вёл себя достаточно вызывающе, поэтому нет ничего удивительного.

Сказала она это так просто и легко, что они сразу ей поверили.

— Но за вызывающее поведение не арестовывают людей, — единственное, на что попробовал возразить, было, Органа, но его перебила Мон:

— Их арестовывают за связи с сепаратистами. За измену.

— Иблис — изменник? Бред, — пожал плечами Органа, — потом, у нас демократия. Была, во всяком случае.

— Нет, у нас было военное положение.

Несколько секунд Бейл и Мон смотрели друг на друга.

— Давайте начистоту, — вмешалась Амидала, — мы все понимаем, что Республики той нет, и ну её, если честно. Да и республикой она была номинально. А Иблис ещё легко отделался. Ему грозит всего-то лишение статуса сенатора и высылка с Корусканта домой без права занимать государственные и административные должности. Повезло, можно сказать.

— Повезло? — насмешливо переспросил Органа.

— Да повезло, — поддержала Амидалу Мон, — если Вы так не считаете, посмотрите на руины Храма. Судя по всему, там никто не выжил, даже маленькие дети.

Бейл и Амидала вздрогнули.

— По-моему, наглядный пример, — продолжила Мон, — что открыто противостоять новоявленному Императору не только бесполезно и бессмысленно, но и самоубийственно.

— Эх, если бы мы знали, что джедаи решатся на переворот, — с сожалением проговорил Бейл, — тогда бы мы могли возглавить его.

— Тогда бы мы были мертвы, как и они, — напомнила ему Мон, — или арестованы.

— Может быть — да, а может быть — и нет, — пробормотал Органа и спросил, — а как Вы полагаете, всех ли джедаев удалось Палпатину уничтожить? Хоть кто-то смог уцелеть?

Лицо Мон искажилось:

— Вряд ли.

— Вы хотите привлечь джедаев? — удивилась Падме. — Их, скорее всего, объявят, если уже не объявили, вне закона. Целесообразно ли их искать и привлекать на свою сторону? Не слишком ли рискованно?

— Амидала, — не выдержал Бейл, — неужели Вы, та, которая была дружна с ними, не хотите узнать о чьей-нибудь судьбе? Неужели Вам всё равно?

Ледяной взгляд в ответ, а тон ещё холоднее:

— Бейл, эта тема закрыта, — отрезала она, и Органе пришлось довольствоваться этим ответом.

— Может, удастся чуть позднее, — не подумав, ляпнул Бейл, что б только что-нибудь сказать, — когда появится большее число недовольных, возглавить оппозицию и переголосовать? И отменить его полномочия? Всю Галактику он не сможет арестовать.

— А разве закон имеет обратную силу? — спросила Амидала, — А по поводу оппозиции: подождите, Бейл, от нас сейчас же начнут шарахаться, выступи мы открыто, даже недовольные. Что нам только что в коридоре очень наглядно продемонстрировали.

— Вы предлагаете подчиниться? Влиться в ряды сторонников. Рукоплескать тирании?

Мон устало опустилась на диван, Амидала и Бейл Органа остались стоять.

— Полноте, Бейл, — хлётко сказала Мотма, ибо ещё от Амидалы она ожидала нечто подобное, но никак не от него, — Вы не в Сенате, не перед информационными агентствами, не перед избирателями, поэтому всю эту чушь нам можно не говорить.

Бейл моментально осёкся.

— Временно придётся подчиниться, — просто произнесла Падме, — и постепенно начать изыскивать новых союзников, готовиться и ждать...

— Ждать? — перебил её Бейл.

— Да, ждать, так же как ждал своего часа Палпатин. Стоило бы у него поучиться, Бейл, как добиваются власти.

— Вы хотите сказать... — Органа был вне себя от возмущения.

Но ни Мон, ни Падме не обратили на него никакого внимания.

— Признаемся честно, — констатировала Мон, — что никто бы из нас не хотел оказаться во главе неуправляемой Республики периода прошлого канцлера. Когда решения принимались олигархическими элитами, например, той же Торговой Федерацией. И где сейчас эти элиты? Частично этому поспособствовала гражданская война. А Палпатин за это время сконцентрировал все нити в своих руках: вооруженные силы, экономику, и для нас-то не секрет, что всю административную работу ведёт его аппарат, а не бюрократические структуры, должны отвечать за это. И, Сила Великая, ему удаётся, успевая вникать во всё, реагировать на малейшие нюансы.

— Он хочет усилить государство, — добавила Падме, — сделать его более централизованным, так пусть этим и занимается. У него неплохо получается. Всегда лучше занять место руководителя при работающей согласованной системе, во время стабильности, чем во время хаоса. И место Императора вместо канцлера.

— Вы обе с ума сошли! — объявил Органа. — С чего вы вообще взяли, что он собирается укреплять государство? Что бессистемное принятие сумбурных документов за эти тринадцать лет, принёсших гражданскую войну, и есть целенаправленная политика и мудрое руководство? Что вообще она будет, эта самая слаженность, эта самая стабильность?

— Да, законы приняты бессистемно, — согласилась Падме, — но они были приняты по принципу: в первую очередь то, что горит.

— А если их сложить вместе, удивительная картина обрисовывается, — поддержала её Мотма.

— Хм, — позволил себе маленькую эмоцию Бейл.

— Они все укладываются в концепцию централизованного государства, — игнорируя его, продолжила Амидала, — Армия, укрепление границ, первые удачные попытки их укрепления. Потом губернаторы. В этом я вижу не что иное, как упорядочение администрации.

— Добавьте к этому подведение законодательной базы, в частности некоторых уж совсем противоречивых законоположений и в разных системах трактуемых по-разному, к единому знаменателю, — вставила Мон и не без интереса взглянула на Амидалу. — Только это дало некоторый всплеск в экономике, в торговле. Война же, помимо устранения денежных элит от власти, подняла отдельные отрасли промышленности, науки.

— И так можно продолжать до бесконечности.

— Прекрасные дамы, оказывается, в свободное время читают статистические отчёты, — позволил себе иронию Бейл, — но и я их тоже читаю. Поэтому давайте оставим назидательный тон, как и игру в лекторов и внимающего ученика.

— Куда ушла Ваша галантность? — усмехнулась Амидала. — Вы же первый начали нести ерунду.

— Вы решили поговорить начистоту? Но так ли это? Откуда мне знать, насколько начистоту? Решиться сорвать все свои маски я не могу. Все мы понимаем, что власть, любая власть есть принуждение и вынужденное насилие, и как бы она не называлась, она не может быть мудрой, особенно власть большинства, ибо большинство — это слабые и глупые, это масса, которой вынуждены подчиняться умные и сильные. Но мы, политики, мы делаем вид, что подчиняемся, постоянно играя в сложные игры, забывая, что этой своей игрой нивелируем себя с большей частью общества, забывая, что мы вне общества. Вне морали. Вы это от меня хотели услышать?

— Теперь лекцию полагается слушать нам, — саркастически произнесла Мон.

— Хорошо, — Бейл разошёлся, — давай рассуждать трезво и цинично. Даже если всё так радужно в этих отчётах, даже если мы, правильно разгадав общий замысел проводимых реформ и законов, если Палпатин избежит массовых репрессий, то мы не можем не понимать, отдавая дань гению канцлера, что какое бы благо не несла его политика, что бы он ни делал для Республики, он делает это в первую очередь для себя, для своего государства. И не убеждайте меня, что диктатура, монархия, пусть с идеальным правителем, лучше демократии.

— Плюсы одной системы есть минусы другой, — меланхолично произнесла Мон, — в идеале всё хорошо, но идеал, перенесённый в реальную жизнь, принимает чудовищные мутации. Чрезмерная свобода приводит к бардаку и к тому, что никто ни за что не отвечает, к перепроизводству, бессмысленному опустошению ресурсов, к обществу потребления, даже, возможно, к неявной тирании большинства. Демократия легко преобразуется в псевдодемократию, что мы сами могли воочию наблюдать. Государство сейчас раздроблено, поэтому возникла необходимость в абсолютной власти. Только с её помощью можно воедино собрать все территории, содействуя экономическому единству страны, дать толчок к новому развитию. Но абсолютная власть приводит к несвободе, к негибкости, еще ко многим другим не. Что лучше: тирания большинства, тупого и реакционного, или одного, но достойного? Это ещё тот вопрос.

— Лекция по политологии? — осведомился ироничный Органа. — Ну, про большинство я с Вами соглашусь, а вот откуда-то знать, что этот один и будет тем самым, достойным? Что Палпатин удержит государство? Не скатится к деспотии, что его правление в дальнейшем, неограниченное правление, не сдерживаемое ничем, будет мудрым и успешным?

— Бейл, — вполголоса позвала Мон, — а Вы ведь сейчас хотели бы оказать на его месте, не так ли?

Бейл запнулся.

— Итак, — когда молчание затянулось, подытожила Амидала, — мы друг друга поняли. У нас одинаковые, по-видимому, желания. И без поддержки, поодиночке мы слабы. К тому же, нам не помешают новые союзники, целый альянс союзников. Рано или поздно у Палапатинского режима появится оппозиция, и было бы неплохо её возглавить или даже организовать. Чтобы потом не упустить момент.

Мон улыбнулась.

— Альянс? Мне нравится.

Глава 3. Джедаи

Тихий размеренный гул двигателей, систем жизнеобеспечения, белые коридоры, ослепительно белые. Оби-Вану казалось, что вот он, цвет траура — цвет чистого снега, цвет обледенелой зимы.

Техники на «Тантиве», который вынырнул из гиперпространства недалеко от Кашиика, несколько часов подряд прослушивали все эфирные частоты, прежде чем обнаружили сразу двух уцелевших джедаев, да и каких! Бейл Органа был более чем рад увидеть чудом спасшихся магистров: Оби-Вана Кеноби и Йоду. Несмотря на всевозможные риски, он не собирался отказываться от своего плана по привлечению оставшихся джедаев. И он был более чем уверен, что магистр Йода выжил.

— Рад вас видеть, рыцари, — гостеприимно встретил их улыбающийся Бейл, но магистры не отреагировали, не улыбнулись в ответ.

— Вы не знаете, кто-нибудь ещё спасся? — спросил лишь его Оби-Ван.

Бейл Органа вздохнул.

— Мы прослушивали все частоты с раннего утра, но смогли найти только вас.

— А на Корусканте?

Новый тяжелый вздох.

— Все, кто был на Корусканте, погибли.

Но Оби-Ван не чувствовал смерти своего ученика.

— А...

— Кроме одного, — выдержав паузу, произнёс Бейл, — предателя.

Оби-Ван не понял, а Йода вздрогнул от этих слов.

— Предателя? — переспросил Оби-Ван. — Что Вы имеете в виду?

— Только то, что один из джедаев перешёл на сторону канцлера и помог ему победить.

— Нет, — вырвалось у Оби-Ван.

И он уже знал, кто это был. Его ученик, его названный брат, его друг.

Что-то страшное рождалось в нём. Поднималось, уничтожая целые пласты, привитые Храмом, слой за слоем.

Он вспоминал.

Память подбрасывала насыщенные куски прошлого и ненаступившего ожидаемого будущего.

Яркий день. Залитая светом планета: песок и два солнца. Его учитель и мальчишка, спешащие на корабль и настигающий их ситх.

Языки пламени и слёзы на лице этого мальчишки, ставшего в ту страшную ночь его падаваном. Мальчишка, к которому он отнесся более чем насторожено, не приняв его поначалу. Их свела любовь к Куай-Гону. Примирила. Вернее даже не их, а его, так как мальчик ко всем излучал доброжелательность. А потом были первые уроки, первые успехи. Ирония ученика как зеркало его иронии, скрывающая привязанность, более глубокую, чем полагалась. Конфликты, обусловленные характерами обоих, и тем, что ученик на полшага зачастую опережал учителя. И совместные операции. Несмотря на расхождения и непримиримость — неожиданная отзывчивость в особо опасные моменты, чувство локтя, плеча, товарищества.

Он же был хорошим другом. Что с ним стало? Как мог человек так скоро перемениться? Почему?

Видимо, он плохой учитель, раз не увидел, не разглядел. Ему не следовало братья за него. Получилось, что он собственными руками уничтожил Орден. И теперь он должен остановить, исправить зло причинённое. Но не слишком ли поздно?

Чувства разделились, раскололись в нём напополам. Но ярче была жажда мести, желание преподать последний урок своему ученику.

— Увы. И Палпатин сегодня утром, — тем временем Органа продолжал рассказывать, — фактически, провозгласил себя императором. Но в Сенате пока ещё есть те, кто собирается противостоять его тирании. И нам нужны союзники. Обмануть Палпатина мы сможем, но не джедая.

— Энекин — это наш долг, мой долг, — мысленно вернувшись, медленно произнёс Оби-Ван, ощущая, как подпрыгнуло, как сжалось его сердце, как оно учащённо забилося.

«Мой долг. Себе-то не лги. Это возмездие.

Мой названный брат, мой друг, мой недруг, мой заклятый враг».

Пелена в глазах. Как? Как такое может быть? Он, недавно думающий, что уже испытал самую страшную боль, больше которой не бывает.

«Я отплачу и отплачу».

Его ученик, его названный брат, друг. Часть его самого.

«Почему я не умер?»

— Что с Вами, магистр Кеноби? — спросил Органа.

Йода ткнул рыцаря своим посохом.

— Не должен эмоциям поддаваться ты. Помни кодекс. Нет смерти. Ты джедай. Не должен о мести думать. Тьма окутывает тебя!

— Но мы не можем так просто оставить всё, так как есть. Мы должны исполнить свой долг.

Горький вздох магистра Йоды в ответ.

— Исполнили мы его уже, заплатив сполна.

— Что Вы будете делать, учитель?

— Я учитель, — бурно. — Я привёл к гибели своих учеников. Не называй меня так. Думать я буду. Отправлюсь туда, где нет никого. Только Великая Сила. Слушать буду.

— Но ситхи?

Йода сжал губы, наполовину прикрыв глаза.

— История — это маятник. Покачнувшись в одну сторону, он набирает необходимую скорость для движения — в другую.

— Но, — растерялся Оби-Ван, — Вы не можете.

— Могу. Орден остановился в развитии. Придут другие. Новые. Они будут иными. Наших ошибок не совершат.

— Откуда же они придут, если все джедаи уничтожены и остались только Вы и я?

— Уверен ты так? Но так же мы думали и о ситхах. Придут оттуда же. Природа не терпит пустоты.

Уточняющий вопрос, безнадежный, отчаянный.

— То есть Вы не будете помогать Органе?

И твёрдое:

— Нет, — в ответ.

— А Скайуокер?

— Избранный?

— Предатель. Ситх.

Йода вновь покачал головой.

— Учил ты кодекс прилежно? Помнишь высшую ценность? Жизнь. Милосердие.

Йода не может так поступить, всё бросить, не может...

— Не понимаю.

— Поймёшь со временем или не поймёшь.

— Вы не отомстите?

— Истерику должен прекратить ты. Джедаи не мстят.

— Неужели, учитель, мы не уничтожим ситха, не остановим их?

— Мы не сможем.

— Неужели Вы боитесь, что не одолеете Дарта Сидиуса?

Йода молчал целую вечность, прежде чем ответить:

— Я боюсь, что одолею его.

И на этот раз Оби-Вану нечего было ему возразить.

Сенатор Органа с возрастающим удивлением, не думая скрывать собственных чувств, слушал их.

— Дарт Сидиус? — наконец переспросил он.

— Сомнений нет, то был Палпатин, — кивнул ему Йода.

— И, — дрогнувшим голосом произнёс Органа, — Вы нас оставляете, магистр Йода, в такой момент?

— Да.

— Ваши слова опечалили меня. Как думаю, опечалят и моих сторонников — госпожу Мотму и госпожу Наберрие. Мы не сможем перехитрить ситха. Противостоять ему в одиночку. Без Вас.

— Госпожу Наберрие? — переспросил вдруг Оби-Ван.

— Ну да, я же вроде рассказал об организованном нами Альянсе.

— Наберрие в оппозиции к Палпатину? — и Оби-Ван рассмеялся, резко и вызывающе.

— Мы все помним, что она тоже с Набу, но...

— Сенатор Наберрие ждёт ребёнка от нового фаворита Палпатина, мечом расчистившего тому путь к трону.

Органа был потрясён, даже более чем потрясён.

— Амидала и Скайуокер? Не может быть!

Истеричный смех в ответ.

— Как же вы допустили это? Ведь ваши законы строги. Кодекс...

— Я уверен, — перебил его Оби-Ван, — что Ваш Альянс — это тоже детище Палпатина, как и сепаратисты, как и война. Очень просто всех недовольных собрать в одну группировку и спокойно наблюдать за ними. Наблюдать через Дуку или Наберрие — какая разница. Но у Вас есть шанс, если Амидала и Скайуокер чуть позже захотят сыграть в свою игру. Только вместо одного ситха Вы получите другого, более молодого, — и снова рассмеялся.

Это истерика. Обычная истерика. Каково обнаружить, что воспитывал джедая, а воспитал предателя, ситха, человека с невероятными амбициями и способностями, которые помогут ему осуществить все желания.

Органа пораженно молчал. Неодобрительно молчал и Йода.

«Я отплачу и отплачу.

Мой названный брат, мой друг, мой недруг, мой заклятый враг».

Поток воспоминаний вновь захватил его.

Он видел смеющиеся глаза Энекина, направляющего в пике не рассчитанный на подобные трюки катер, и свой испуг.

Видел мальчишку замкнутого и молчаливого, жадно выхватывающего все знания, мечтательно смотревшего на небо, пытаясь среди огоньков приземляющихся кораблей разглядеть звёзды. Обычный замкнутый мальчишка, оживающий только в присутствии одного сенатора.

Одного сенатора...

Ты допустил, закрыл глаза на это вопиющее нарушение кодекса. Тебе казалось нечестным и подлым доносить, и ты, облегчив совесть тогда, моешь руки в крови друзей теперь. Ты виноват более чем кто бы то ни было.

Излишнее доверие и привязанность — вот, вот где твоя вина. Ты никогда не был истинным джедаем. И зная, ты скрывал это ото всех. И погубил всех.

Тебе и исправлять всё.

Погибнуть? Да! Обязательно погибнуть, но вместе.

Нет смерти, есть Великая Сила.

Примет ли она неджедая и ситха? Тем лучше — если нет. Сгинуть, пропасть.

Что ему жизнь теперь? Когда каждый вздох — это боль? Когда жизнь — это память и вина? Это пустота, жутко молчаливая пустота и бесцельность. Это сдерживаемые слёзы. Сдерживаемый вопль. Это кошмар, из которого не вырваться, не проснуться. Мир, его мир рухнул этой ночью. И новый мир ему не принять.

Нет былого братства, нет единства. Пусто и холодно.

Ранее утро, хрустальными каплями умывшее лес. Они на Набу и жив ещё Куай-Гон. И мальчик, солнечный мальчик, ещё незамкнутый, излучающий доброжелательность. Бескорыстный, приветливый. Авантюрный, но светлый.

Ветер Корусканта, играющий полами их плащей, и они, невзирая на разбушевавшуюся стихию, спокойно обсуждающие детали нового задания. И Энекин уже не падаван. Надёжный союзник, друг, которому можно было доверить и жизнь, и планирование операции.

А ведь последнее время он был смурным. Тебе казалось, что причиной тому — давление канцлера с одной стороны и Совета с другой. Ты боялся открытого разговора, уклонялся от него, завалившись текущими делами, общаясь отрезками, урывками на общие пустые темы. И упустил момент перелома, а ведь скорее мог бы, мог бы всё изменить.

Гибель Ордена — на тебе, её не искупить ничем, не исправить. После этого как ты можешь быть джедаем?

Ты должен посмотреть ему в глаза. Любой ценой найти, чтобы перехватить взгляд. Найти его, где бы он ни был. И решить, окончательно решить, что делать. Если ты увидишь тяжесть,

вину — ты оставишь ему жизнь. Пусть каждый день помнит, что он сделал. А если нет, что ж, тогда ты заберешь самое дорогое, что есть у ситха — жизнь, его жизнь.

Хотя, может лучше забрать самое дорогое, что есть именно у Энекина Скайуокера?

Джедаю — оставить жизнь, ситху — вернуть смерть. А Избранному?

И он знал ответ.

Я отплачу и отплачу.

— Магистр Оби-Ван, — из воспоминаний и бессвязных мыслей вывел его голос Ораганы, — рыцарь джедай Кеноби...

— О! — горько улыбнулся Оби-Ван, не глядя на нахмурившегося Йоду. — Я не джедай.

Глава 4.

Мустафар

Истребитель, описав полукруг, плавно опустился на посадочную площадку. Энекин вышел из корабля и подошёл к каменному ограждению, о подножие опоры которого разбивались огненные волны.

Несмотря на то, что планета представляла собой один действующий вулкан, и на ней находились одни дроиды, поддерживающие работу гигантского завода, незначительное содержание в атмосфере газов и относительно невысокая температура позволяли человеку обходиться без особой экипировки. Будь у него время, он бы попытался понять геологию этого странного места, где текут реки лавы, но где человек может не опасаться того, что сгорит как спичка. Где в воздухе присутствуют испарения различных химических элементов, но можно спокойно дышать. Где лава почему-то застывает очень медленно, словно не желая умирать. Где запасы магмы кажутся бесконечными. Где практически весь ландшафт представляет собой череду кипящих озёр, соединённых потоками пламени и водопадами, а вернее огнепадами. Видимо, извержения происходят из тектонических разломов и трещин, покрывающих всю поверхность планеты. Подлетая, он видел долины, где лава давно отбушевала, застыв окончательно, навсегда. А так же долины, изрыгающие серные газы, долины десяти тысяч дымов. И океаны огня.

Несмотря на то, что его ждут, несмотря на однообразие красок, несмотря на полумрак, хотелось часами любоваться игрой огня. Красный, чёрный, жёлтый — всего три цвета. И солнца не видно. И тишина. Тишина, нарушаемая лишь глухим рокотом течения пламени, пощелкиванием работающих дроидов, привычным чириканьем R2. Резкими хлопками, после которых появляются великолепные по красоте фонтаны расплавленных масс, образовавшихся глубоко под землей, гейзеры раскалённых светящихся газов, выбрасывающих в атмосферу тонны пород взамен оседающих. Не оставляющих ни малейшего зазора в облаках пыли, окутывающих планету, для лучей солнца.

В воздухе, насыщенном испарениями магмы, в горячем и пыльном воздухе Мустафара последняя надежда сепаратистов, ученик Лорда Сидиуса созерцал стихию огня, такого же неукротимого, — попробуй удержать в руках! — как и он сам. Такой же порывистый. И неумолимый. Огонь, живой, пульсирующий цветок пламени.

Его ждали в бункере. Ждали помощи от нового ученика Дарта Сидиуса, ждали своей участи. Ждали давние знакомые.

Около четверти века назад стремительно развивающаяся Торговая Федерация чуть не взяла Республику под контроль, подчинив себе Сенат, подкармливая взятками нужных чиновников и сенаторов. Если бы они не споткнулись об маленькую планету, если бы не нашёлся один человек, взявшийся переиграть хитрых неймодианцев, то, подмяв под себя системы, едва ли способные удержать власть, неймодианцы спровоцировали бы настоящую гражданскую войну, бессмысленную и кровавую, в которой бы гибли настоящие люди*, а не клоны, гибли бы, кстати, от дроидов.

Жестокость, непримиримость, чуждые нравы. Да, нравы. Какое бы уважение к чужим обычаям он не должен был бы испытывать, но, во всяком случае, традиции тех же геанозианцев ему были глубоко противны. И едва ли любой ханжа или идеалист, рассуждающий о

толерантности, согласился бы с тем, чтобы на том же Корусканте начали проводиться публичные казни осуждённых под свист и улюлюканье трибун.

Сами руководители не вызвали у него ни уважения, ни тёплых чувств: трусливые лицемеры, прячущиеся за чужими спинами, прикрывающиеся именами героев, играющие чужими жизнями.

Он усмехнулся, представив, как удивятся сидящие в переделанном цехе завода под бункер, когда узнают его. Не решающиеся выйти наружу, как они будут поражены, увидев, кто к ним пожаловал.

Отблески языков пламени играли тенями на его лице, отсвечивая обычно стальной блеск его глаз желтыми бликами.

Наказав R2 оставаться у корабля, в последний раз взглянув на пляску огня, вспененную газами лаву, он накинул капюшон и спокойно направился к бункеру.

** под людьми автор, видимо, понимает живых существ любой расы — не-дроидов.*

Тяжелая дверь бункера отъехала влево, гостеприимно приглашая внутрь.

Ступая по титановому коридору, сквозь тусклое серовато-зелёное освещение, он ощущал, как с каждым его шагом бункер заполняется животным липким страхом находящихся здесь экз-лидеров самопровозглашенных независимых систем.

Только страхом объяснялись бессмысленно напичканные военными дроидами коридор и помещение, переделанное в рубку управления, где за голографическим пультом, как за столом, сидели сепаратисты.

А, собственно, чего ещё можно было от них ожидать, помимо трусости? Неужто героизма и бесстрашия?

Он, приостановившись, даже не пошевелив рукой, закрыл за собой дверь, привлекая внимание.

Расторопнее всех оказался глава банковского клана — Сэн Хилл. Изящно поклонившись, слегка заикаясь, он произнёс:

— Добро пожаловать, Лорд Вейдер! От лица глав Конфедерации Независимых Систем, позвольте мне быть первым кто... — но Энекин его перебил:

— Позволить? — усмехнулся он, — Отчего нет? Хорошо. Ты будешь первым.

Сэн Хилл вздрогнул, вглядываясь в лицо незнакомца.

Энекин решил ему помочь с узнаванием, сняв капюшон.

Слыша даже на расстоянии нескольких шагов бешенную пульсацию всех трёх сердец оцепеневшего, явно узнавшего его, но не нашедшего ни капли отваги даже для того чтобы отпрянуть в сторону, дрожащего существа, Энекин, брезгливо морщась, активировал меч.

— Ты не Вейдер, — выдохнул в предсмертной агонии Сэн Хилл.

Эффект превзошёл все ожидания. Если бы посреди бункера расцвёл фонтан лавы или же упала бы бомба, взрывной волной корёжащая металл, то, пожалуй, сепаратисты были бы менее шокированы и напуганы. Ужас поднял их на ноги, липкий ужас парализовал их. Не веря своим глазам, испуганные, они смотрели на гостя, на его руку в чёрной перчатке, продолжением которой было смертоносное синее пламя плазмы. Сомнений не было, перед ними был враг, герой Республики, непонятно как проникший к ним под видом ситха.

— Ты не Вейдер, — просипел Нут Ганрей, король, вернее, бывший король Торговой Федерации.

— Разве? — лучезарно улыбнулся ему Энекин.

Ломающийся от страха голос неймодианца:

— Ты... ты... дже...дай, Энее..кин Скай...ю...кер.

Дроиды, опомнившиеся дроиды, заслонив своих хозяев, после этих слов открыли огонь на поражение. Легко отражая удары, плавным движением руки убрав несколько дроидов, гость лаконично ответил:

— Сходство обманчиво.

Глядя на убывающую охрану и труп Сэна Хилла, первым пришёл в себя Нут Ганрей и кинулся, было, из зала вон. Но из зала в коридор попасть ему не удалось, прямо перед ним захлопнулись все оставшиеся двери и окна, разблокировать которые ему, несмотря на то, что он нажимал подряд на все кнопки управления, так и не удавалось.

Дроиды, неуклюжие и неповоротливые, никак не могли воспользоваться численным преимуществом. Энекину довольно быстро надоело отражать бластерные разряды, поэтому он поднял их силой в воздух и обрушил на стены. Гулкий удар, заставивший содрогнуться сепаратистов, оставивший от дроидов искорёженные куски металла, усилил панику и беспорядочные метания живых.

Шу Мэй, экс-президент гильдии купцов, менее всех напуганная, решила воззвать к обещаниям и гарантиям:

— Лорд Сидиус сулил нам награду. Мы заслужили...

— Я ваша награда, — повернулся к ней Энекин.

— Но... — протест, уже испуганный протест.

— Я не достаточно хорош?

— Что Вы! — ещё более осторожно.

Улыбка Энекина в ответ не оставляла надежды. Спустя мгновение, перешагнув через успокоившуюся навсегда Шу Мэй, он отбил, не поворачиваясь, бластерный луч, и оказался вплотную, лицом к лицу с правителем Геонозиса — добрым старым знакомым. Подрагивающие крылья последнего выдавали сильное волнение.

— Умоляю Вас. Вы же джедаи. Геонозианцы хорошо относились к джедаям.

— О, да. Я помню, — и синее пламя снесло голову геонозианцу.

Геонозианцы к джедаям отнеслись пару лет назад, действительно, очень хорошо, организовав отличную встречу, вылившуюся в демонстрацию новейших разработок военно-промышленного комплекса и показ удивительных представителей фауны планеты. Правда, после такого своеобразного геонозианского радушия он чудом остался жив.

Заглянув под голографический «стол», Энекин обнаружил там руководителя Техносоюза. Встретив взгляд несущего гибель, Вэт Тэмбор вздрогнул и, сильнее сжимаясь в клубок, умоляющее запричитал:

— Не убивай меня, пожалуйста. Я отдам тебе всё. Все что ты захочешь!

Энекин, явно удивившись, на автомате вежливо произнёс:

— Спасибо, — прежде чем пронзить его лазерным клинком.

Разметав оставшихся дроидов, он остался наедине с представителями Торговой Федерации — бывшим королём и его секретарём.

— Остановись! — истерично восклицал секретарь, Рун Хако. — Достаточно! Мы сдаёмся, ты понимаешь? Ты не можешь просто так убить нас!

— Неужели? — скептически поднимая левую бровь.

— Мы безоружны! Мы сдаёмся! Пожалуйста, пожалуйста, ты же Джедай!

— Вы вели войну на уничтожение джедаев, — заноса меч перед ударом. — Поздравляю с победой.

Всё ещё пытающийся открыть дверь Нут Ганрей, последний, протестующий, ещё надеющийся на что-то.

Тот самый Нут Ганрей, который тринадцать лет назад отдал приказ о вторжении войск на Набу, тот самый, кто нанял убийц для сенатора Амидалы Наберрие, тот самый, кто требовал их казни на Геонозисе.

— Но война... война окончена... Лорд Сидиус обещал... Он обещал, что нас оставят в покое.

Холодные чёткие слова:

— Он обещал оставить вас в Вечном Покое.

И взмах меча, не оставляющий никаких шансов. Ставивший точку в гражданской войне.

Пока дроиды убрали бункер, пока R2, подключившийся к центральному компьютеру расшифровывал местонахождение военных заводов, которые, конечно, заключившая мир и вернувшаяся в состав республики Торговая Федерация не собиралась им выдавать, рассекретив только уже засвеченные, Энекин стоял у окна и смотрел на лаву. Смотрел на лаву, которая беспокойными всплесками поднималась в высоту от нескольких до сотен метров, разбрызгивала жёлтые искры, почти мгновенно застывающие в воздухе стеклянными нитями, падающими назад в огонь и там снова расплавляющимися — для того, чтобы снова стать пламенем, взвиться вверх, застыть и упасть.

Полученную информацию R2, не имея необходимого объёма памяти, вынужден был передавать на Корускант. Энекин, прикинув процент обработанного и скорость распознавания и

передачи данных, осознал, что на этой планете ему предстоит пробыть не менее десяти часов. Глупо было этим не воспользоваться. У него появилась отличная возможность восстановить силы. Он давно не медитировал, не сливался с Великой Силой.

Для медитации не обязательно было особенным образом настраиваться, принимать своеобразную позу, садиться и дышать. Можно было просто созерцать огонь, отпустив мысли, освободив разум от насущных вопросов.

Прорезающие черноту Мустафара всполохи огня танцевали, рисуя сложные абстракции, аккомпанируя себе глухим рёвом. Игривые волны перекатывались, расплёскиваясь брызгами искр.

Совершенная красота, которая могла бы посоревноваться с океанами Камино или бескрайним зелёным морем лесов Набу. Но более опасная, более живая, более необузданная.

Только здесь на краю света, едва ли не кашляя от высокого содержания пепла в воздухе, которое разъедало слизистую оболочку глаз, можно было прочувствовать вкус жизни. Можно было захотеть жить полнее, ощущать каждый свой вздох, ветер в лицо и падающий с неба дождь. Смеяться рвущимся смехом, запрокидывающим голову, заражающим всех смехом. Вновь пьяниться улыбкой, милой и родной, прекраснейшей улыбкой, к которой хочется прильнуть, удержать, забрать, сохранить. Хотелось смотреть на мерцающий свет мириад звёзд, высчитывая курс корабля. Не унимать бешеный восторг, заходя на крутой вираж. Испытать всё, всё испробовать заново. Ощутить независимость, свободу. Больше не притворяться, не играть. И любить. Пламенеть зарёй. Пролетать порывистым ветром над планетой. Стать пляшущим огнём Мустафара. Танцевать пеплом, стягом расцветающего неба на тлеющей земле. Отразиться звёздами в асфальте луж Корусканта, испариться на небо и выпасть поутру росой в лесах Набу. Плеснуться раскалёнными добела искрами и застыть. Песчаной бурей обрушиться на пустыню, обогреваемую двумя солнцами. И жить. Каждый день так, будто он последний. Отбросив сожаления и печали. Наслаждаясь каждым мгновением, жить. Глупо и мудро. Ошибаясь. Пусть! У него ведь не было ни детства, ни юности. У него не было права на ошибку. У него ведь никогда не было времени. Каждый день ему приходилось выживать, не жить.

Начать сначала. Учиться жить. Жадно, как будто с утра расстрел. Насыщённо. Бесстрашно. Как шквал, поднимающий многометровые волны жидкого огня, которые он наблюдает, пока работает верный помощник — R2.

Облокотившись о каменный подоконник, глядя сквозь заштормившее огненное море, он видел милое лицо, иногда искажаемое рябью волн. Отрешённо наблюдая за хитрым сплетением шагов, многообразным рисунком эмоций и жестов, он замер, не в силах пошевелиться. С мелкими красными цветками в тёмных распущенных волосах, в чём-то очень простом и светлом, босиком, она, улыбаясь, уходила вдаль. Иногда на цыпочках перепрыгивая с волны на волну, иногда останавливаясь, но затем почему-то возвращаясь, смотря на него, мокрыми блестящими тёмными глазами, бросая взгляд, стоя к нему вполборота, через плечо. А потом закрывала лицо руками и смеялась звонким серебристым смехом. И он мог только улыбаться в ответ. С неожиданно блеснувшей слезой на щеке она протягивала ему руку, и ожидала ответного жеста, но так и не получая никакой реакции, никакого отклика, вдруг стремительно срывалась с места и убегала прочь. Чтобы на полпути остановиться и вернуться назад. Как будто зовя с собой, на прогулку по огненной глади, негодуя на его невозмутимость и на нежелание следовать за ней. Ощущая вину, но так и пребывая в неподвижном состоянии, ему хотелось протянуть руку, помня об огне и не боясь его, но тело было чужим, не слушалось, и она вновь и вновь уходила прочь. Уходила от него, оставляя мелкие красные цветы, падающие вслед.

Свист R2D2 вывел его из забытья. На мониторе диспетчерского пульта двигалась светящаяся точка. К нему пожаловали гости. Настороженность и удивление быстро прошли и, узнав корабль, он отключил щит безопасности, давая разрешение на посадку. К нему шагнули из сна, странного и неясного, увы, неразгаданного, и, к счастью, в этом мире он мог двигаться, мог выйти навстречу, мог протянуть руку, мог почти всё.

Глава 5.

Иступление

Стоя на посадочной площадке, ожидая, когда опустится трап, улыбающийся Энекин неожиданно нахмурился. Помимо Падме он почувствовал Оби-Вана. Вариантов, что тот делал на

Нубиане, было не так уж и много. Первый — желательный — это то, что Кеноби искал помощи и укрытия. Второй, более вероятный — хотел возмездия. Но Падме? Заложница ли она Оби-Вана или нет? Добровольно ли она его привезла? Зачем она вообще прилетела сюда?

Вопросы, бесконечные вопросы. И вызывающий их зеркальный корабль, неуместный здесь, на краю мира, на обшивке которого, вместо привычной лазури, расцветали языки пламени, и чернел небосвод.

Чувства — вот что может подвести тебя. Ты должен стать холодным и спокойным, чтобы удержать ситуацию под контролем. Ситуацию, где тебе придётся столкнуться с самым опасным, самым серьёзным врагом — с самим собой.

Зачем она прилетела сюда...

Угрожает ли ей что-нибудь...

Несколько секунд разделяло его от ответов. Несколько секунд, пока по трапу не сбежала вниз Падме, пока не обвила его руками, пока не уткнулась ему в плечо. Стараясь не поддаваться эмоциям, оставаясь начеку, Энекин стоял и ждал дальнейшего развития событий.

Кажется, она плакала.

Из-за этого, а может, по какой-то другой причине, он так и не решился задать вопрос, терзающий его, пока он ждал приземления корабля — зачем она здесь.

Она была здесь, и этого было достаточно. Она была у него в объятиях, в относительной безопасности, пусть даже сто желающих возмездия джедаев затаилось на корабле.

— Ну, — нежно, как успокаивают ребёнка, он провёл рукой по её волосам, — всё хорошо. Видишь, я жив. Война закончилась. Теперь мы будем вместе. Мы, впервые не скрываясь, поедem на Набу, в Озёрный край.

Озёрный край — прекраснейшее место во Вселенной. Место, где нет горизонта, где водная гладь сливается с синевой неба.

Падме перестала всхлипывать, и он добавил:

—Туда, где я впервые поцеловал тебя, помнишь? Мы теперь можем всё. Ну, — ласково и с заботой произнёс он, чуть отстраняя её, заглядывая в глаза — что с тобой?

— Оби-Ван, — выдохнула Падме, — он хочет убить тебя.

Вот как?

Энекин улыбнулся:

— Он не сможет. К тому же, он не знает, где я. Ты же ничего ему не сказала? Ведь так?

Падме несколько раз утвердительно кивнула.

— Да, конечно, не сказала.

— Ну, так чего ты боишься? — в голосе ещё оставалась теплота, но взгляд теперь был прикован к Нубиану, на корпусе которого играли тёмно-багровые краски Мустафара, за исключением правого крыла, расколотого жёлтыми молниями. Иллюзия была совершенна — казалось, будто корабль охвачен пламенем.

Лжёт ли она или нет, было неясно. Понятно было одно — Падме на взводе. Испуг или что-то другое вызвало такой шквал эмоций — он не знал. Он ощущал лишь её страх, беспокойство. И странным было то, что боялась она не Оби-Вана, а его.

Так кого он обнимает? Жену? Союзницу? Врага?

Успокоившаяся было лава издала рокот. На тёмной поверхности огненного озера появилась алая трещина. С огромной скоростью, словно стремясь прорезать всю гладь, она росла, увеличиваясь в размерах. Спустя мгновения из неё повалил дым, и с тихим глухим гулом стали изрыгаться фонтаны магмы.

Сознательно ли она предала его или нет?

Бесконечные вопросы. Можно было только гадать, предполагая ту или иную возможность.

Любила ли она его настоящего? Не солнечного мальчика, победителя гонок и не подростка, неуклюже ухаживающего за понравившейся девушкой. И даже не героя-джедая, спасителя Галактики, а его, настоящего Энекина? Неужели её страх — оттого, что она стала понимать, кто он такой на самом деле. Неужели она решила предать его? Один, как прежде, один? Ещё одна иллюзия, мечта, так и не воплотившаяся в реальность, разбита вдребезги?

И как она узнала, что он здесь?

Почувствовав неладное, Падме подняла голову, пытаясь заглянуть в глаза Энекину, но тот смотрел поверх неё.

— Энекин, в чём дело? Не пугай меня, — не понимая, почему он стоит без движения, без единого вдоха, она попыталась привлечь его внимание, но тщетно.

Он смотрел мимо неё на трап Нубиана, туда, где теперь стоял его бывший учитель, его бывший брат.

Оба напряжённо замерли, пристально вглядываясь в глаза друг друга, словно считывая все чувства и ощущения.

Один взгляд против другого. Друзья? Враги?

Ты сам хотел, чтоб учитель уцелел. Разве ты не думал, что он не явится за тобой?

Ты смотришь в его глаза и видишь там пламя. Сжигающее всё пламя фанатизма. Ты видел точно такие же глаза — когда вёл штурмовиков по Храму. Страшнее этих глаз ничего нет.

Их свела смерть. Смерть их и разведёт.

Враги?

— Зачем ты прилетел? — твой голос спокоен, как никогда — Я не хочу тебя убивать.

И тихий голос в ответ:

— Выполнить свой долг.

Падме вздрогнула и обернулась:

— Оби-Ван? Нет!

Энекин разжал руки, выпуская жену из объятий.

На трапе, скрестив руки, стоял рыцарь Кеноби, неотрывно глядя в глаза своему бывшему ученику.

— Падме, отойди от него, — после продолжительной паузы, словно оценив обстановку, произнёс он, — Это не Энекин.

— Не Энекин?! — она отступила на шаг назад. Взгляд её метался между Оби-Ваном и мужем.

— Не Энекин? — эхом повторил Скайуокер.

— Нет, — Оби-Ван казался расстроенным, меланхоличным — Энекин никогда бы не предал, — голос его дрогнул, — Энекин был хорошим другом, — неожиданно в интонациях появилась ярость. — Это не может быть он. Тёмная сторона поглотила его. Перед тобой ситх. Энекин, умер.

— Нет-нет, — пробормотала испуганно Падме, продолжая отступать к кораблю. К Оби-Вану.

И Энекину не оставалось ничего другого как повторить вопрос:

— Зачем ты прилетел?

Чтобы услышать уже ярый ответ:

— Выполнить свой долг!

— А ты? — Энекин повернулся к Падме. — Ты?

Падме вздрогнула и очень быстро заговорила, подозрительно быстро:

— Я беспокоилась о тебе. Не пугай меня, пожалуйста, Эни.

Один, как всегда один. Против всего мира. Пора бы уже привыкнуть и не удивляться. Тебе не шесть лет, в конце концов.

Против, значит. Друг и жена. Та, ради которой...

— Ты привезла его, зная, что он хочет убить меня! — не вопрос, а констатация, вырвавшееся потрясение, шок.

Ты внимательно смотришь и видишь не людей, а лишь фанатичного джедая и похожую на куклу Падме. Непохожую на саму себя настолько, что непонятно, то ли ты её никогда не знал, то ли впервые увидел в истерике. И если это всё-таки истерика, то время и место выбрано крайне неудачно. Её слёзы режут тебя напополам, но ты только можешь стоять и смотреть на неё, отступающую к Нубиану, словно заведённую, тихо повторяющую одно:

— Энекин, нет. Пожалуйста. Нет.

Кого она хочет провести? Он ощущал неискренность и страх, ощущал, что она впервые пытается его обмануть.

— Лгунья!

Он сжал кулак и в ту же секунду увидел выражение лица Оби-Вана. Пальцы разом разжались, но Падме, потеряв сознание, рухнула на землю.

Прилететь сюда, прикрываясь Падме, затаившись на Нубиане, после того как не вышло сыграть на её чувствах, рассказав о побоище в Храме, о том, что бывшего ученика нужно срочно

спасать. Умница Падме сразу поняла, как джедай может спасти ситха — только мечом отправив его в Великую Силу. Но Кеноби удалось вызвать беспокойство у неё. Беспокойство, которое привело её сюда.

Увидев Оби-Вана, почувствовав его намерения, ты сначала решил, что они заодно, что тебя предали. Гнев, удивление, шок — отключили твой разум — и ты впервые обрушил свою ярость на ту, которую любил. К счастью, ты не успел причинить ей вред.

Увидев выражение лица своего учителя, ты всё понял.

Что это было, учитель? Проверка бывшего ученика? Вы удостоверились, что перед Вами ситх? Убедились, что я не Энекин, а вселенское зло? Этим объяснить удовлетворение на Вашем лице, когда упала Падме? Джедай, проверяющий, убьёт ли ситх свою жену. Увы, магистр Кеноби, это обморок.

Джедай, по кодексу, формально уважающий жизнь, на деле использующий беременную женщину.

Как же Вы можете мстить? Вы же джедай. Или всё, чему Вы пытались меня научить — идеологическая ложь, как я и предполагал ранее?

Как Вы могли использовать беременную женщину для возмездия?

Неужели нельзя было подождать меня на Корусканте?

Вы не знаете, учитель? Ещё бы! У Вас глаза фанатика. Трусливого и лицемерного фанатика.

И то, что Вам легче признать, что Энекин умер, а его место занял тёмный ситх — это слабость. Собственное оправдание нелицеприятных поступков. Легче служить благу и добру, чем чётко осознавать, что тебе не приходится выбирать методы.

Я смотрю Вам в глаза. В них нет ни любви, ни сочувствия, ни сострадания, ни даже жалости.

Они пылают огнём одержимости.

Глава 6.

Непримиримое противоречие

Мустафар исторгнул газовое облако резким хлопком взрыва, послужившим своеобразным сигналом.

Энекин и Оби-Ван разом скинули плащи, но зажигать мечи не стали. Никто не хотел атаковать первым. Мрачно глядя друг на друга, они ходили кругами, не желая начинать бой, не замечая выбросов лавы, жара кроваво-красной планеты.

Первым не выдержал молчания, которое давило на обоих, Оби-Ван.

— Энекин, Энекин, — укоризненно произнёс он, — как же ты мог? Отринуть долг, встать на сторону врага, предать друзей, поднять руку на жену, — Оби-Ван разгорячился, и его слова стали более эмоциональны. — Мне не следовало уезжать. На тебя давили — и ты поддался тёмной стороне, Палпату. Но у тебя ещё есть шанс. Ты можешь всё исправить: выполни своё предназначение — уничтожь Императора!

— И Вы мне простите кровь всех убитых джедаев? — нервно усмехнулся Энекин, и Оби-Вана передёрнуло от этих слов, но он нашёл в себе силы тихо ответить:

— Я тебе не судья. Если ты искупишь свою вину... А дальше — дело твоей совести.

Дробный, раскатистый звук вспененной лавы, рокот заштормившего огненного моря заглушил его голос. Моря, над которым падал дождь жёлто-красных искр, родившийся в газовом облаке, недавно извергнутом недрами планеты.

— То есть, — решил уточнить Энекин, не обращая внимания на разбушевавшуюся стихию, — чтобы искупить вину, вновь стать светлым — мне нужно убить? Предать?

— Восстановить баланс, — поправил его Оби-Ван, — выполнить веление Силы.

— А почему Вы считаете, что это не Сила меня вела, когда я вычищал Храм? — дерзко заявил Скайуокер, — С чего Вы взяли, что Силе неуютно ситхи?

— Это не твои речи! Тёмный владыка совсем затуманил тебе мозги! — вырвалось у Оби-Вана.

— Да? А мне кажется, наоборот, что я мыслю как никогда ясно.

— Твои слова двуличны. Ты изменился! — в отчаянии крикнул Кеноби. — Ты стал тем, кого поклялся уничтожить! И это моя вина! Ты был нашим Избранным! Ты должен был уничтожить

ситхов, а не присоединиться к ним. Тебя готовили героем. Ты должен был сокрушить Дарта Сидиуса, а не стать его учеником!

— Это слова джедаев — лживые, — возразил не менее эмоционально Энекин, — Вы лицемерите, даёте омерзительным вещам благозвучные названия, кичитесь тем, что бескорыстно служите людям, но что благого Вы, лично Вы, сделали для других?

— Я хранил мир, Республику.

— Вы убивали во имя мира, во имя неких политических партий, не задаваясь вопросом, верно ли Вы поступаете, не ошибается ли Совет. У Вас не было совести — за Вас всё решали и обдумывали. Да и сейчас тоже. Я ненавижу Вас! Ненавижу эту раковую опухоль, которую нужно было удалить, опухоль, имя которой — Орден джедаев!

— Я не могу поверить. Это говоришь не ты. Ты не можешь так думать. Я знаю, в тебе есть добро, должно ещё быть. Палпатин не мог так быстро поработить тебя. Я прошу тебя, прислушайся к себе, пока не поздно.

— Вы приехали меня убить, воспользовались беременной женщиной, считавшей Вас своим другом, и Вы говорите о добре? Вы напичканы идиомами из Кодекса! Что Вы знаете о добре? Что Вы знаете о жизни? Кто Вы?

— Я твой учитель. Который считал тебя своим другом, своим братом. Я любил тебя как брата...

— Уезжайте. Я не хочу Вас убивать. В память о прошлом, не хочу.

— Ты позволил собственным эмоциям возобладать над волей Силы, Энекин. Это падение. И виновен в этом лишь я. Мне следовало вмешаться раньше, принять во внимание твои отличия ото всех. Твои нарушения Кодекса. Падме.

Энекин отвернулся.

— У Вас безумный взгляд, учитель, — вполголоса произнёс он не без горечи. — Я смотрю в Ваши глаза и вижу там огонь. Вы все такие — весь Орден. Кто сказал, что джедаи мирные философы? Вы жрецы, готовые убивать ради своей веры, ради пресловутого баланса, ради мира. Кто сказал, что Вы только обороняетесь? — он всё более и более распалялся, — Кто сказал, что вы любите жизнь? Вы, не брезгающие ничем?! Джедаи — мои враги. А Вы, Вы, уезжайте!

Оби-Ван активировал световой меч.

— Только ситхи возводят всё в абсолют. Я выполню свой долг, — печально, но решительно произнёс он, и его слова совпали с новым всплеском активности лавы.

Перед тем как активировать свой меч в ответ Энекин сардонически усмехнулся:

— Ну, попробуйте!

Глава 7.

Тяжкое бремя

Сквозь Вселенную, белой птицей прорезая черноту космоса, спешил шаттл, с бесценным пассажиром на борту. Пассажиром, тревожно замершим у иллюминатора своей каюты. Обслуживающий персонал шаттла предпочитал не отрывать его от созерцания Вселенной. Почтительно удалившись, они не решались беспокоить его, недоумевая, на что можно смотреть в гиперпространстве. Но, возможно, пассажир просто думал. Стараясь не нарушать покоя, команда, если и проходила возле каюты, то пыталась вести себя практически бесшумно. Не хотелось мешать человеку, взявшему на себя заботу о государстве. Могли бы и не стараться. Всё равно Император ничего бы не заметил, вспыхни рядом с ним сверхновая. Он был далеко — там, куда им ещё предстояло лететь несколько часов, пересекая безжизненность гиперпространства. Он был уже на Мустафаре. На планете, где лучи солнца почти не пробивались сквозь пепел и пыль, где тусклый свет испускала лишь лава.

Он видел ученика. Он чувствовал всё то, что чувствовал тот. Смотрел его глазами, слышал, ощущал. Но был несколько отстранён, отчего было лишь тяжелее. Невыносимее. Видеть ошибки одну за другой без возможности вмешаться. Больше ощущать. Глядеть, как происходит непоправимое.

Единственная мысль: «Только бы успеть. Только бы успеть». Понимая, что уже опоздал. Ученик боролся сам с собой. Поэтому был обречён на поражение.

Проклятье.

Полыхнувшим огнём в глазах.

У Энекина не было времени осознать себя, прочувствовать. Он не справился с нахлынувшим разом прошлым и настоящим — двойственность переживаний подавила, оглушила его.

Император прислонился щекой к прохладному транспарастилу иллюминатора. Он мог только наблюдать, надеясь, что будущее отнюдь не инвариантно, что он видит одно из того, что не случится. Надеялся и боялся опоздать.

«Оби-Ван Кеноби, — он произнёс имя как выплюнул. — Оби-Ван Кеноби. Вы пытаетесь лишить меня второго ученика. Не слишком ли Вы удачливы? Живучи? Не пора ли Вам остановиться? Я клянусь, что, на этот раз, ученика Вам не забрать, рыцарь джедаев».

Палпатин, напряженно вглядываясь вдаль, застыл, вспоминая.

Тринадцать лет назад, потеряв ученика, нелепо погибшего от меча падавана, Кос Палпатин увидел мальчика, ощутив потенциал которого, дал себе слово, что не позволит джедаям сделать из него заурядного рыцаря.

Джедаи. Они даже и не думали, особенно в тот момент, когда на заседании Совета отказывали Куай-Гону, что кому-то вдруг может понадобиться их Избранный. Не думали, когда стращали своевольного падавана тем, что выгонят того из Ордена, если он не станет более послушным, более правильным. Они и не предполагали, что другая сторона будет за него сражаться. Их Избранный.

А ведь это была не какая-то особая политика, разработанная специально для Энекина. Вовсе нет. Это было рядовое Орденское воспитание, нормальный страх перед необычным, стандартная нетерпимость, попытка переломить индивидуальность. И непризнание того факта, что Энекин был нужен Ордену куда больше, чем Орден ему.

Если он справится с собственным смятением. Если не даст себя убить, если выживет вопреки всему, если уцелеет после Мустафара, то станет сильней, значительно сильней всех живущих, а может и не только живущих...

Орден джедаев в своё время, выиграв войну, сделал всё возможное, чтобы уничтожить само упоминание о ситхах. И им это великолепно удалось! Принявшись за дело чересчур рьяно, сокрыв всю информацию в своём Холокрене, наложив на неё вето даже для внутреннего пользования, джедаи искоренили в Галактике не только страх перед ситхами, но и сделали всё, чтобы само понятие ушло из обихода как простых граждан, так и политиков. Постепенно и сами джедаи начали забывать о врагах. Ситхи стали химерой, архаизмом, о них могли помнить лишь историки из Ордена. Забвение постепенно перешло в невежество, оказавшееся губительным для Совета. Для Совета, который не только не смог обнаружить в честолюбивом канцлере от Набу лорда ситхов, но и не смог ничего противопоставить ему, несмотря на численное превосходство.

Палпатин презрительно усмехнулся.

Джедаи. Ослеплённые догмой, застывшие в развитии, окружившие себя стеной скептицизма к инакомыслию, отрицающие правильность владения Силой каким-нибудь другим способом, нежели практикующегося в Ордене — вы оказались заложниками собственных иллюзий. Признавая правыми лишь себя, пестуя самомнение, вы решили, что исключительно вам, и только вам, заранее известен весь спектр возможного.

Вы утверждали, что есть одна только непреложная истина, и искренне верили, что человек, не признающий вашей правды, наверняка сошёл с ума или оступися и пал. Без тени сомнения к собственному учению, вы скептически относились к собственным отступникам и беспощадно к врагам.

Разумеется, с вашей точки зрения истина такова, каковой она представляется вам. Любое другое толкование — неверно. Его проще объявить результатом заблуждения или сознательного обмана. А тот, кто не согласен с вами, есть сумасшедший или лжец. Это нетерпимость, самая настоящая нетерпимость. Это то, в чём вы когда-то обвиняли ситхов.

Словно насмешка над вашим учением — ваши идеалы превратились в миражи, пустые обманчивые завесы. Изначально приняв за постулат, что можно делать всё, что угодно, только если не причинять никому вред, вы попались в ловушку. Вам пришлось объявить вынужденное причинение вреда необходимыми мерами для общественного блага или велениями Силы. Невыполнимое условие — не причинять никому вред — сделало из вас лжецов. Вы говорили о самообороне, но первыми активировали свои мечи. Вы говорили о велениях Силы, но всеми способами тормозили новаторов, останавливая тех, кто стремился учиться всю жизнь. Вы

превратили определенные теоретические заключения в догмы (не важно насколько они были хороши) и стали обыкновенными фундаменталистами.

Джедаи. Враги, не гнушающиеся ничем. Давшие благозвучные имена омерзительным вещам. Уничтожавшие всякого, кто не похож на вас, кто не желал идти вашим путём, кто позволял себе сомнение.

Джедаи. Презрение мелькнуло на лице императора.

Страх гнал вас убирать иных, тех, кого вы не понимали и никогда не поймёте. Мы мешали вам. Вы не могли смириться с фактом нашего существования. С тем, что у кого-то белое может быть чёрным. Один независимый, думающий без ограничений ситх был опасен для вашей организации. Он грозил её развалить просто своим образом жизни, инакомыслием. Расколоть оплот, внести сомнения в ряды.

Джедаи. Наглядный пример, чем оборачивается, теперь уже неважно истинный или нет, альтруизм и бескорыстное служение слабым.

Вы забирали новорождённых детей, не оставляя им никакого выбора, ломая их, пытаетесь вылепить из них свой идеал — раба, преданного обществу, не имеющего никаких прав, полагающего, что он должен нести свет. Вы калечили многих, сводили к одному знаменателю сильного и слабого, оттого огранённые алмазы становились в ваших руках стекляшками, пустыми и обманчиво блестящими. Вы принесли столько вреда своим же, непоправимого вреда.

И вы предпочли умереть — не измениться. Изначально, прикрываясь всеобщим благом, сдерживая, ограничивая себя для какой-то своей цели, вы забыли её. Смысл прикрытия давно был утерян вами. А само средство превратилось в цель, но никто этого не заметил. Вы загнали себя в неволю и меняться отказались только потому, что страшно стало взглянуть на Орден со стороны. Как он нелеп и смешон, как трагичен. Увидеть, что вы мало отличались от тех же дроидов. Увидеть, сколь мало стоила ваша жизнь.

В угоду своим убеждениям вы продолжаете свой путь. Мечом Оби-Вана. Смятением Энекина.

Проклятье.

Джедаи.

Энекин, Энекин.

У тебя было преимущество — гнев. Гнев, который придал тебе ускорение. Гнев, не без помощи которого тремя ударами меча ты оттеснил бывшего учителя к краю огненной бездны. Но ты не воспользовался им. Ты мог бы закончить бой. Мог бы. Но что-то тебя остановило. Зачем-то ты отступил, давая Оби-Вану возможность отойти от пропасти.

На несколько секунд вы замерли, перехлестнув не клинки — взгляды. Кто решится первый? Ты не торопился атаковать, но и противник тоже не спешил. Ты смотрел ему в глаза и видел безнадежно потерянного человека, человека, который тебя ненавидит и любит, человека, которому безразлична своя жизнь. Когда-то ты его неоднократно спасал, рискуя собой. А сейчас он прилетел тебя убить. И чтобы выжить — тебе нужно уничтожить его.

Стремительный выпад — и вас снова закружил вихрь смертоносного танца. Руки уверенно сжимают меч, натренированное тело, не дожидаясь сигналов сознания, группируется, отклоняется, пружинит. Ты шаг за шагом неистово атакуешь, заставляя отступать старого друга. Друга, прилетевшего тебя убить, но отчего-то колеблющего, погрузившегося в глухую оборону, хотя атаковать легче, гораздо легче. Можно было давно нанести решающий удар, но ты почему-то оттягиваешь финал, вновь и вновь предоставляя противнику шанс, словно не спеша заканчивать бой. Но и он тоже — не спешит.

Вы, будто подхваченные ветром осенние листья, не желающие останавливать свой последний полёт, пока дождь или снег не прибьёт их к земле, как обычно разминаясь на тренировках, кружите, друг возле друга, но уже в неучебном бою.

Нарастающий темп ударов — напряжённым гулом в ушах, излучение лавы — желтыми отблесками в зрачках, волнение силы — вихрем, сметающим дроидов. Титановые стены, гулким эхом отдающим звуки поединка, который переместился с посадочной площадки в бункер. Тревожный свист R2. Это всё — ваш последний бой.

Ваш бой, на который смотрит весьма уставший человек сквозь пространство и время. Человек, всем своим нутром ощущающий будущий исход дуэли. Нежелательный исход,

подстегнувший его к этому полёту на Мустафар. Исход, от которого в жилах закипает кровь, мучительная судорога проходит по лицу, выплёвывая одно слово: «Джедаи».

Глава 8.

Утрата желаний

Жизнь никогда особо не улыбалась ей, хотя с этим бы не согласилось бы полгалактики. Еще бы — в раннем возрасте стала сначала королевой, а потом и сенатором. Такой головокружительный взлет, не омрачаемый даже попытками покушений на жизнь, которые она успешно избежала, вряд ли было возможно повторить.

Молода, популярна, красива. Чего еще нужно для счастья? Все, о чем мечтают миллиарды, уже достигнуто — живи и наслаждайся.

Живи и наслаждайся.

Распластавшаяся на полу рубки Нубиана молодая женщина, которой завидовали многие, повторяла про себя: «Живи и наслаждайся».

Наслаждайся.

Одиночеством и изоляцией.

Отсутствием нормального детства.

Постоянным нахождением в цейтноте.

Отказом в праве на ошибку.

Потерей человечности — загнав свои слабости в самый дальний угол разума. Без всяких возможностей нормального общения. Отсутствием друзей. В окружении подчиненных и коллег.

Не дорогая ли цена?

Не дрогнув — подставляя под смерть других — не себя, идти дальше и не оглядываться.

А в ту минуту, когда нужен хоть кто-то, ощущать пустоту?

Когда нужна помощь, которой не будет.

Какое тут — наслаждайся?

Живи?

Выживай. Каждый день, каждый час, каждую секунду. Лавируя между различными элитами, системами, смертью и жизнью, наконец.

Выживай, привыкая доверять интуиции. Видеть лицемерие. Читать тайные мысли и желания окружающих, чаще всего алчных завистников. Обрекая себя всегда быть на публике и одновременно в глухом одиночестве.

Знать, что настоящих друзей у тебя не будет.

Энекин.

Они сошлись в этом. В своей чужеродности. В своей изоляции. В том, что у обоих не было детства.

В том, что всем чего-то от них было нужно. Постоянно удовлетворять чьи-то требования. Жертвовать собой во имя всеобщего блага.

Двое потерянных детей. Слишком взрослых для счастья. Хотя какое-то время была иллюзия тихой гавани, близости.

Было ведь?

И она расслабилась. Положилась на другого. Частично перестала оглядываться.

Но жизнь не прощает ошибок. Не прощает слабостей. Она бьет в ответ наотмашь. И ты можешь только лежать на теплом металлическом полу, разогретом огненной атмосферой планеты, и судорожно глотать воздух.

Ты думала, что сможешь быть и политиком и просто женщиной. Ты верила, что всегда будешь избегать опасности, что всегда в трудную минуту будет рядом Энекин. Человек, попавший в жернова истории. Оказавшийся крайним.

И ты одна, на этот раз одна.

Силы были на исходе, жадные вдохи насыщенного пеплом воздуха, не восполняли дефицит кислорода. Пелена перед глазами и еле слышимый стук сердца. А ведь после обморока она смогла встать и дойти до корабля, прежде чем началось кровотечение.

Ничего страшного.

Она протянет, обязательно протянет, пока не вернется Энекин. Ничего страшного не случилось. Нужно послать за ним R2. Если он жив.

Резкий испуг — он жив? Оби-Ван не сможет его убить. Он обещал его не убивать. Он не должен.

Не обманывай себя. Ты видела их. Двоих сошедших с ума. Одержимых, чуждых. Помнят ли они в пылу битвы о ней?

Однажды ты видела его таким. На Татуине, когда он вернулся из лагеря тускенов. Ты тогда не знала, что сказать. Ты почувствовала, как возникла стена, разделяющая вас. Как будто кто-то захлопнул дверь. Но понимать, выяснять было некогда, вы как всегда куда-то спешили, как всегда подвергая себя смертельной опасности, и всё забылось. А ты была даже рада, что забылось.

А, да, спасти вы летели Оби-Вана.

Геонозис. Ещё одна жаркая планета. Почему всё важное в её жизни происходило на раскалённых планетах? Словно как компенсация за внешнюю холодность. Или насмешка.

Если у жизни и есть какое-то человеческое чувство — то это ирония.

Оби-Ван. Как она дала себя уговорить прилететь сюда? Или никто её не уговаривал?

Что-то с воспоминаниями.

Новая волна боли заставила её сжаться, сгибая ноги в коленях.

Сейчас отпустит.

Отпустит.

Отпустит.

Поручить СЗРО дать сигнал о помощи.

Трезвая мысль, как будто не её о том, что помощь сможет появиться не ранее, чем через несколько часов.

Значит, нужно собраться и попытаться взлететь. Дотянуть до любой цивилизованной планеты.

Или послать за Энекином.

Она попыталась сесть — стены покачнулись и поплыли кругами в глазах. Потемнело.

Падме положила руку на живот.

«Простите, малыши, свою легкомысленную маму. Прости, Энекин. Я была плохой женой. И чуть не стала плохой матерью.

Оби-Ван был прав. Я мешала тебе.

Наш брак — был изначально провальной затеей. Мы полагали, что сможем совмещать: я — роль сенатора с ролью жены, ты — джедая с ролью мужа. Мы играли в мужа и жену, пряча за несерьёзным ужас и бессмыслие существования, мы пытались обмануть всех — жизнь, судьбу, общественные устои. И нам это вернулось — наше нежелание жить по чужим законам, ударило нас же.

Может, малышам и повезло, что они не увидят горестей жизни, в которой приходится только бороться и выживать.

Странные мысли, похожие на бред. Абсурд. Как можно думать о таком?

Эни, Энекин.

Простишь ли ты меня?

За то, что не дождалась?

За то, что бросила тебя?

И предала?

И за то, что я не в состоянии вынести ещё пару минут?

Не в состоянии подняться до панели управления или произнести пару слов дроидам.

Я была твоей слабостью. Пока я была жива — ты был уязвим.

Прости и будь сильным.

У меня не получилось».

Последнее что она видела — затемненное помещение, отдаленно напоминающее ту лавку на Татуине, и улыбающихся ей Энекина и Оби-Вана.

Он опоздал.

Он опять не успел.

Он не смог.

Виноват в том, что затягивал поединок, виноват в том, что позволил ей умереть.

Потеря семьи, снова. Сколько же можно?

Беспросветное существование. К той татуинской ночи — сегодняшний день.

Ради чего? Зачем?

Ему казалось, что это он сам умер, что его разрубили пополам, настолько Падме стала частью его.

Только три человека в Галактике разом почувствовали, что сенатора Падме Амидалы Наберрие, больше не стало.

Энекин и Оби-Ван, на которых ощущения умирающей обрушились обжигающей лавой, попытались закончить затянувшийся бой — Кеноби, наконец-то, решился атаковать и смог выбить меч из рук ученика, но тот, безоружный, воспользовался стальным захватом своего протеза — сомкнул руку на шее учителя. Захлестнувшая Энекина ярость, осознание того, что он потерял драгоценное время, отбросило все чувства к бывшему наставнику.

В конце концов, это Оби-Ван привез сюда Падме.

Это он задерживает его, мешает ему.

«Я тоже опоздал».

Проживи Падме ещё б две минуты, всё бы закончилось в бункере смертью Оби-Вана.

Чувства обострились в Императоре как никогда. Он ощущал ученика, так, что самому хотелось кричать от бессилья. Казалось, что какая-то часть откололась от него. Казалось, что это именно он, а не Энекин, испытывает обжигающую боль потери. К этому восприятию примешивались и его собственные сожженные надежды.

Чувства, оглушившие его ученика, позволили противнику перехватить инициативу, вырваться из стального захвата.

Отдышавшись, Оби-Ван, понимая, что на мечах ему не одолеть, решил увлечь врага к лаве. Шаг за шагом, отступая, он вывел противника на террасу, туда, где огненные всполохи и гейзеры грозились уничтожить обоих. Оби-Ван, прежде всего, собирался исправить свою ошибку. Мечом ли, языком лавы - безразлично. Хотя последнее — предпочтительней. Один всплеск — и их двоих нет.

Одна из конструкций нелепого завода грозила обрушиться, поэтому Оби-Ван прыгнул на неё. Энекин следовал за ним, внешне не меняясь — тот же пружинистый шаг, то же выражение лица.

Но внутри его жёл огонь, всё кричало и безумствовало.

Смерть Падме в нём что-то надломил, он просто перестал хотеть. Потерял все желания, надежды, интерес к чему бы то ни было. Потерял себя. Стало вдруг безразлично, проиграет ли он эту битву. Он понял, что оттягивал финал, чтобы дать шанс противнику. Хотя был точно уверен в том, что его не пощадят.

Танец над озером лавы, руки, привычно ставящие блоки.

Обучение самообороне в Ордене не прошло зря.

Он продолжал эту бессмысленную игру, тогда как сам уже знал, что выбрал.

Он выбрал смерть.

Он выбрал меч бывшего учителя,

Бывшего друга.

Бывшего брата.

Человека, поспособствовавшего разрушению его семьи, его надежд, его счастья.

Пусть возьмёт то, что он так хочет получить.

Пусть.

Этому не помешает даже беззвучное «нет» его нового учителя.

Эпилог

На корабле, затерянном где-то в просторах Вселенной, двое уставших людей вели свой диалог. Спокойно и сосредоточено.

— С детьми все нормально?

— Да, но они должны будут пробыть в медицинском отсеке еще какое-то время.

— Почему?

— Они не в состоянии самостоятельно дышать.

— А потом?

Один из собеседников пожал плечами.

— Отвезу их к себе на родину — помещу в приют. Может, кто-нибудь усыновит.

— Хорошо. А тесты им делали?

— Как положено. Вон там распечатки — можете взглянуть сами.

— Сахар в крови, количество гемоглобина... ммм... , - пропуская весь список, - о, уровень мидихлориан — двадцать шесть тысяч и двадцать тысяч и сто.

— Ого! А я и не обратил внимание.

— Неудивительно. Вы ж не медицинский работник и не джедай.

— Я слышал, что больше пяти тысяч — уже считается хорошим уровнем. А уж столько — неестественно много.

— Да, много, — задумчиво. — Странно, что им передалась Сила, — пауза, потом очень решительное продолжение. — Вместе их оставлять нельзя.

— Почему? — удивление, но не сильное.

Собеседник пояснил:

— Очень быстро обнаружат, что они одаренные.

— Мы можем переправить анализы, а повторных делать не будут, я прослежу. Ведь получилось же у нас с Амидалой — никто не стал перепроверять.

— Даже если не будет повторного теста, одаренность станет заметной ещё в раннем детстве. Она, так или иначе, проявится у них. И об этом узнают на Корусканте.

— Вы полагаете, их тут же заберут?

— Да, не стоит укреплять власть ещё двумя сильными форсьюзерами. Детей нужно спрятать или уничтожить.

— Что вы такое говорите!

— Правду. Кроме того, будет возобновлено следствие по делу сенатора Наберрие, и первым подозреваемым — окажетесь вы, Бейл.

— Значит, вы предлагаете их уничтожить?

— Или спрятать так, чтобы не нашли.

Человек по имени Бейл задумчиво принялся мерить каюту шагами.

— Но такие дети, возможно, смогут помочь и нам, — наконец, сказал он. — Я бы не отказался воспитать их сам, невзирая на риск.

Его собеседник пожал плечами:

— Берите в таком случае девочку.

— А мальчика? Что будет с ним?

— Я сам разберусь, — устало сказал человек, но таким тоном, что Бейл не решился ему возражать.

Но это всё было потом, а прежде было расставание с Мустафаром.

Прощай, старый друг.

Хотел бы я, чтобы все было иначе.

Ты был мне братом.

Я любил тебя.

Но не сумел спасти.

Я на самом деле любил. Свет в тебе. Он был ослепляющий, солнечный.

Я обещал Куай-Гону сделать из тебя джедая, и я сделал. Ты был хорошим другом, надежным товарищем. Но тебя уничтожил ситх, вторая твоя половина. Темная твоя половина. От которой Орден не смог тебя защитить, избавить. Которую я не смог вырвать. Ситх, который хотел получить весь мир. Хотел ощущать.

Проклятый ситх.

Враг.

Теперь ты знаешь, что чувствовал я, в какую я заглянул бездну. Ты стоишь и смотришь в неё. И ты хочешь туда сорваться. Я не буду помогать тебе, подталкивая. Попробуй прожить с этим последние минуты — сойди с ума, чтобы не слышать пустоту, не ощущать холод, не чувствовать боль. Это твой выбор. Ты хотел эмоций. Так ощущай, переживай. Я дарю тебе целую гамму, шквал. Мало кто в своей жизни мог испытать превосходную симфонию столь противоречивых чувств.

Я слышу твою агонию, я ощущаю твою боль, твоё презрение и все силы, вкладываемые в одно слово: «Ненавижу». Несмотря на то, что тебе очень бы хотелось попросить меня помочь тебе быстрее уйти из жизни.

Было бы милосерднее убить тебя.

Но ты сейчас безоружен и не представляешь опасности. С другой стороны, благородно было бы закончить твои мучения, но я не благороден. Я неджедай.

Потом, если бы ты хотел умереть, то не замедлил бы своего падения и не мучился бы, погрузившись в озеро огня.

Пусть решает Сила. Она тебя породила. Она пусть и помогает тебе.

И если ты сумеешь обхитрить смерть и выжить, в любом случае ты получишь смерть. И пустоту.

Если ты надеешься выжить — что ж — живи! — живи, как можно дольше и будь проклят. Будь обречен на одиночество, на вечную боль, на вечный огонь. Огонь, который выжигает из тебя всё человеческое. Ты не будешь счастлив. Ты, мечтающий о свободе, будешь заложником жизни, будешь цепляться за неё, но ты не рискнешь жить полноценно, да и физически вряд ли сможешь. Ты слаб. Настолько, что не захочешь исцеления.

У тебя не будет друзей, семьи. Не будет теплоты.

Лишь холод вселенной и обманчивый свет звёзд.

Ты так мечтал побывать на каждой.

Теперь тебе только это и остаётся.

На юго-западе от бункера, чуть более в пятистах метрах, в долине дымов, на чёрном песке состоялось прощание с прошлым.

Человек подобрал световой меч. Через пару минут он вернется на Нубиан, чтобы исчезнуть на долгих двадцать лет.

Но пока он стоит, пытаюсь успокоиться. Внутри всё бурлит и клокочет, как эта необузданная человеком планета. Его удерживают на месте сомнения.

Джедай, включивший световой меч, должен быть готов к убийству. Так гласит кодекс. Но он же говорит о том, что нельзя нападать на безоружного.

Особенно, когда его меч у тебя в руке, а сам он уже не сможет тебе противостоять.

Но то кодекс.

В кодексе нет ни слова, что ты должен убить своего падавана.

Своего друга.

Своего брата.

Человека, не раз спасавшего тебя.

К чему теперь опираться на этот свод полумертвых правил?

Ты по ним воспитывал ученика, а воспитал ситха.

Нет. Ты воспитал джедая. А ситхом он стал, потому что ему помогли. Палпатин. Он обнаружил в твоём падавানে тьму и сделал всё, чтобы она пробудилась. И померк свет.

Это ситх сейчас корчится у твоих ног, и ты ощущаешь его ненависть.

Ты не спешишь его убивать, пусть он почувствует твою боль, боль потери соратников, учителя, ученика. Это он виноват, что больше нет рыцаря джедая Энекина Скайуокера.

Сомнения твои заканчиваются, когда он вспыхивает факелом. Видимо, сам Мустафар сжалился и решил помочь со смертью.

Ты отворачиваешься, не в силах смотреть на свершившееся возмездие и уходишь, не оглядываясь, при каждом шаге увязая в песке.

Слегка сгорбленные плечи и морщинка между бровей.

Такое ощущение, что ты сегодня проиграл.

Может, потому что не ощущаешь радости и облегчения?

Может, потому что победа имеет прогорклый вкус?

А может и оттого, что победа тебе была и не нужна?

Ты не знал, что в мире может быть так горячо. Даже на родной планете ты не испытывал такого жара.

Ты вспоминаешь, на этом черном берегу, на этой застывшей лаве, всю свою жизнь. Все свои потери.

Не слишком ли много для жизни одного?

Обычный человек давно бы уже умер от болевого шока, оттого, что у него не осталось кожи, от жуткой боли, такой страшной, что стерпеть никто бы не смог. Но ты необычный. Это твой дар и твоё проклятье. Ты не можешь даже потерять сознание, ты продолжаешь жить, ощущая нестерпимый убивающий жар.

Но ты рад ему, ибо он поглощает без следа всю твою боль потери, боль утраты. И сейчас ты не чувствуешь ничего, кроме физической боли, ужасной боли. Она расцветает пламенем, сжигающим отчаяние и безысходность. Огнём, в котором переплавляются все твои слабости, все твои зависимости, все твои страдания и муки.

И тебе остаётся только одна свобода. Ты можешь выбирать: жить тебе дальше или нет.

И ты погибаешь в огне, будучи сгустком оголенных нервов.

И ты выживаешь в огне, рождаясь заново, становясь свободнее и сильнее.

Физическая боль убивает боль внутреннюю. И становится легче дышать.

Остается одна цель — жизнь. Ощутить заново её вкус. Подставить лицо дождю — прохладному и приятному, увидеть двойную радугу, восход солнца, россыпь звёзд, тьму космоса.

Только смерть придает смысл существованию. И то, что жить стоит. И нужно. Любой ценой.

Вернуться, чтобы успеть доделать всё. Всё что хотел, всё, что ещё не начал.

У тебя много дел.

Я не сдамся.

Я выбираю жизнь, ибо смерть стоит того, чтобы жить.

Если выживу.

Но я выживу.

Пусть его враг думает, что выжить нельзя.

Я смогу.

Смех, внутри него клокочет смех.

Я всегда всё делаю наперекор.

Ты хочешь моей смерти. Ты веришь в неё. А я буду жить.

Я всегда мог то, что было недоступно большинству.

Ты не можешь меня убить. Решаешь оставить Силе. Проклинаешь, а сам мечтаешь, чтобы я сам ушел и не мучился. Не чувствовал боли. Исцеляющей боли. Делаящей меня неуязвимым. Неуязвимым и свободным.

Свободен. Наконец-то. Абсолютно.

Что мне теперь смерть, когда я знаю что это такое. И больше не боюсь её? Вообще, ничего не боюсь?

Смерть, я смотрел ей в лицо, ощущал её дыхание. Горячее раскаленное дыхание.

Дыхание лопнувшей кожи.

И я понял, что страшна только жизнь.

Что остаться тяжелее, чем уйти. Гораздо тяжелее.

И именно поэтому — я остаюсь.

Море огня. Огонь боли. Пульсирующий жар, выжигающий меня, охватывающий меня так, что мне больше уже никогда не будет холодно. Я всегда буду рад прохладе.

Спасибо, брат, спасибо, друг.

С любовью.

А чего ты ждал?

Ты ждал от кого угодно, но не от него.

Что ж. Это твоя ошибка. Ошибка, которая отняла у тебя всё. И дала тебе всё.

Ты рождаешься заново из огня, будучи сам огнём.

И тебе нужно всего лишь продержаться. Помощь уже в пути.

И человек, который отчаянно хочет, чтобы ты жил. Так же отчаянно и так же сильно, как ты сам.

Так же безнадежно, что у вас двоих просто не может не получиться.

*Эта странная боль,
Что проходит по тёмному небу.
Росчерк памяти — всё, что осталось
От призрачной тени.
Кем бы ни был тогда —
Но как будто никем ты и не был.
Только пламя огня,
Только новое жара рождение.*

*Я не знаю, кто умер, кто жив,
Кто одержит победу.
Кто злодей, кто герой —
Только лица у многих и многих.
Кто заслужит покой,
Кто заслужит тревогу и беды.
Это просто война,
Это разные просто дороги.*

*Это пламя — на миг прикоснись —
И не верь в сожаленье.
Это росчерк огня
Средь вселенского душного мрака.
Это лишь эпизод
Между памятью или забвением.
Это чья-нибудь жизнь.
Это путь без разметок и знаков.
Танака.*

*Конец?
И да, и нет.
Конец Старой Республике.
Конец джедаю Скайуокеру.
Но начало Империи.
Начало всего...*

Июнь — Октябрь 2005.